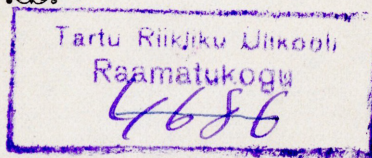

М. ДЪЯКОНОВЪ.

ПОЛОВНИКИ ПОМОРСКИХЪ УЋЗДОВЪ

ВЪ XVI и XVII ВѢКАХЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева и К^о, Наб. Фонтанки д. № 95.

1895.

Извлечено изъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія май 1895 г.

Est-A

Tartu Riikliku Ülikooli
Raamatukogu

14 251

Половничество, какъ особый видъ аренды пахотныхъ земель и угодій, было весьма распространеннымъ явленіемъ хозяйственного быта въ предѣлахъ сѣверной и частью средней полосы Россіи въ XIV—XVI вѣкахъ. Къ сожалѣнію упоминанія источниковъ XIV—XV вѣковъ о половникахъ такъ отрывочны, что по нимъ нельзя отмѣтить какія-либо особенности въ юридическомъ и экономическомъ положеніи половниковъ сравнительно съ прочими классами безземельнаго сельскаго населенія, снимавшаго въ аренду участки чужой земли. Единственная попытка свести „сущность половническаго права“ къ тому признаку, что половники платили землевладѣльцамъ въ видѣ арендной платы часть урожая, а крестьяне кромѣ того отбывали и личныя повинности, не можетъ считаться удачной, такъ какъ самъ авторъ этой попытки вынужденъ былъ признать, что существеннаго, сословнаго (!) различія между половниками и другими земледѣльцами не было ¹⁾.

Гораздо цѣннѣе сохранившіяся свѣдѣнія о половникахъ поморскихъ уѣздовъ. Важность этихъ данныхъ явствуетъ уже изъ того, что въ этой области половническая аренда оказалась особенно живучею и просуществовала до нашихъ дней. Естественно поэтому, что „особливый родъ крестьянъ, называемыхъ половниками“, привлекая къ себѣ вниманіе изслѣдователей уже съ давняго времени и вызывая рядъ попытокъ объяснить ихъ историческое происхожденіе, прослѣдить историческую судьбу и выяснить особенности ихъ быта. Въ числѣ трудовъ, посвященныхъ этой темѣ или ей касавшихся, без-

---

¹⁾ К. Поповъ, Половники (Памятная книжка Вологодской губерніи на 1862 и 1863 гг., вып. II, 66—71).

спорно самымъ важнымъ является изслѣдованіе *Александры Ефименки*— „Крестьянское землевладѣніе на крайнемъ сѣверѣ“,—которое занимаетъ одно изъ почетныхъ мѣстъ въ литературѣ по исторіи русскаго права ¹⁾. Спасенный авторомъ отъ гибели обширный рукописный матеріалъ, впервые бросившій лучъ свѣта въ исторію поземельныхъ отношеній на сѣверѣ Россіи, къ сожалѣнію до сихъ поръ остается неизданнымъ. Лишь въ послѣднее время опубликованъ аналогичный матеріалъ въ двухъ томахъ „Актовъ Холмогорской и Устюжской епархій“, позволяющій изучить нѣкоторые подробности въ исторіи землевладѣнія и сельскаго населенія сѣверной полосы Россіи въ XVI—XVII вѣкахъ. На основаніи главнымъ образомъ этихъ актовъ въ настоящемъ очеркѣ предлагается пересмотръ нѣсколькихъ не вполне выясненныхъ вопросовъ въ исторіи половничества. Слѣдуетъ однако замѣтить, что и наличный матеріалъ не даетъ полного отвѣта на всѣ вопросы, какіе придется здѣсь затронуть.

Наиболѣе важной и любопытной особенностью въ положеніи сельскаго населенія поморскихъ уѣздовъ безспорно является иная судьба его въ исторіи крѣпостнаго права на крестьянъ. Хорошо извѣстно, что многія бѣдствія крѣпостныхъ порядковъ не коснулись сѣвернаго крестьянина; но въ какой мѣрѣ проникли туда начала прикрѣпленія въ эпоху до-петровскихъ ревизій и въ какой формѣ тамъ отразились,—отвѣты на эти вопросы въ ученой литературѣ едва-ли можно признать вполне опредѣленными.

„Какимъ образомъ половническое право,—спрашиваетъ К. А. Поповъ,—удержалось въ Вологодской губерніи, когда въ остальной Рос-

---

¹⁾ Главы IV—VI названнаго труда въ книгѣ „Изслѣдованія народной жизни“, стр. 257—292 и до конца *passim*; см. еще: Записки путешествія академика *Лепезина*, въ Полномъ собраніи ученыхъ путешествій по Россіи, т. V, 264—265; Нѣкоторые свѣдѣнія о крѣпостныхъ земляхъ и живущихъ на нихъ половникахъ, *Отечественныя Записки* Свиныгина 1823 г., ч. XIII, 257—264; К. А. Поповъ, Половники, Памятная книжка Вологодской губерніи на 1862 и 1863 гг., выпускъ II, 3—141; В. И. Семежскій, Казенные крестьяне при Екатеринѣ II, гл. VI, Половники въ XVIII вѣкѣ, *Русская Старина* 1879 г., № 3; Половники Вологодской губерніи. Вологодскій Сборникъ, т. II, 1881 г., стр. 82—124; А. А. Спицынъ, Земля и люди на Вяткѣ въ XVII столѣтіи, 1886 г., 29—32; *Его-же*, Оброчныя земли на Вяткѣ, Казань 1892 г., 34—35; А. С. Лаппо-Данилевскій, Организация прямого обложенія, 104—105; П. Н. Милоковъ, Спорные вопросы финансовой исторіи Московскаго государства, 80—81.

«и всѣ крестьяне сдѣлались крѣпки землѣ послѣ уничтоженія крестьянскихъ выходовъ? Отвѣтъ не затруднителенъ,—говоритъ онъ:—потому что половники были чернососные крестьяне, и земли, на которыхъ они жили, черныя, а главное,—что владѣльцы этихъ земель были также люди черные... Вслѣдствіе сего владѣльцы земель, населенныхъ половниками, не могли воспользоваться указами объ уничтоженіи Юрьевыхъ дней, потому что указы эти до нихъ не касались; они были изданы собственно для служилыхъ людей, которые владѣли по-земельною собственностью на вотчинномъ или на помѣстномъ правахъ“ ¹⁾. Хотя это мнѣніе признано несомнѣннымъ даже такимъ знатокомъ исторіи крѣпостнаго права, какъ В. И. Семеvскій ²⁾, оно представляется и неяснымъ, и въ нѣкоторыхъ частяхъ неправильнымъ. На основаніи его можно даже придти къ заключенію, что прикрѣпленіе крестьянъ совсѣмъ не распространилось на поморскіе уѣзды.

Гораздо опредѣленнѣе и правильнѣе мнѣніе автора „Исслѣдованій народной жизни“. „Масса крестьянъ,—говоритъ онъ,—не имѣвшихъ собственной земли, сидѣла на чужихъ земляхъ въ качествѣ половниковъ послѣ всѣхъ законовъ о прикрѣпленіи точно также свободно, какъ и до этихъ законовъ. Значитъ эти законы въ силу какихъ-нибудь особыхъ условій и обстоятельствъ совсѣмъ не примѣнялись на сѣверѣ? И того нѣтъ: на сѣверѣ одновременно были и владѣльческіе крестьяне въ настоящемъ „центральному“ смыслѣ этого слова“. И далѣе: „но было бы ошибочно думать, что масса монастырскихъ, то-есть, единственныхъ крѣпостныхъ крестьянъ на сѣверѣ, образовалась черезъ прикрѣпленіе половниковъ. Главный процессъ закрѣпощенія шелъ не этимъ путемъ“... „Прикрѣплялись-ли половники къ землѣ?“ спрашиваетъ въ заключеніе авторъ и на этотъ вопросъ, „за неимѣніемъ ясныхъ свидѣтельствъ ни за, ни противъ“, даетъ такой отвѣтъ: „если указы о прикрѣпленіи и примѣнялись къ половникамъ, то развѣ въ видѣ исключительныхъ случаевъ“ ³⁾.

Едва-ли, однако, можно примкнуть всецѣло и къ этому мнѣнію. Прежде всего было бы осторожнѣе совсѣмъ не касаться законовъ о прикрѣпленіи крестьянъ, такъ какъ подобныхъ указовъ не знаютъ не только сѣверъ, но и центральныя области Московскаго государства. Начала же прикрѣпленія появляются на сѣверѣ очень рано и

¹⁾ К. А. Поповъ, Назв. соч., 91—92.

²⁾ Русская Старина, 1879 г., № 3, 379.

³⁾ А. Ефименко, Назв. соч., 271—272 и 278.

не только по отношенію къ владѣльческимъ крестьянамъ, но прежде всего по отношенію къ крестьянамъ черныхъ волостей. Еще въ уставной Важской грамотѣ 1552 года предоставлено право посадскимъ и волостнымъ людямъ „старыхъ своихъ тягловъ крестьянъ изъ за монастырей выводить назадъ *безсечно и безпошлинно* и сажати ихъ по старымъ деревнямъ, гдѣ кто въ которой деревнѣ жилъ прежде того“. Дальнѣйшія указанія относительно черныхъ крестьянъ относятся уже къ началу XVII вѣка. Но это отнюдь не значить, будто отмѣченный фактъ составлялъ рѣдкое исключеніе. Наоборотъ, правительственная политика закрѣпленія къ тяглу посадскихъ и волостныхъ людей сдѣлала въ теченіе второй половины XVI вѣка значительные успѣхи и въ поморскихъ уѣздахъ. Это подтверждается фактами, указывающими, какъ свободно распоряжалось правительство судьбой крестьянскаго населенія черныхъ волостей, жалую земли съ населеніемъ въ вотчину частнымъ землевладѣльцамъ, преимущественно монастырямъ и церквамъ. Отъ 1591 года сохранилась жалованная грамота Соловецкому монастырю, выданная по челобитію монастырскихъ властей о передачѣ имъ во владѣніе второй половины Кемской волости; въ грамотѣ сказано, что царь пожаловалъ волостью „Кемью всею, и Пудожемскою, и Пебоозеромъ, и Маслоозеромъ, въ вотчину впрокъ *со крестьяны*, и съ дворовыми мѣсты“, и предоставилъ властямъ „крестьянъ вѣдати и судити, или кому они прикажутъ“¹⁾. Пожалованіе черныхъ земель въ вотчину явленіе очень древнее и широко распространенное въ XV и XVI вѣкахъ. Но во всѣхъ такихъ случаяхъ нѣтъ рѣчи о пожалованіи земель съ людьми или съ крестьянами²⁾. Передача же съ правомъ на землю и правъ на крестьянъ указываетъ, что практика въ ограниченіи крестьянской свободы была прочно усвоена правительственными сферами.

¹⁾ А. Э., I, № 353.

²⁾ Примѣры у П. Н. Милюкова, Спорные вопросы, 34. Кромѣ приведеннаго факта, намъ извѣстны еще три случая передачи земель съ старожильцами или крестьянами: 1470 г. князь Андрей Васильевичъ промѣнилъ Сторожевскому монастырю свои деревни черныя и далъ льготную грамоту, гдѣ сказано: „а *старожильцамъ, коихъ язь промѣнилъ*, и пришлымъ людямъ не надобѣ ямъ“ и проч. Грам. Колл. Экон., Звенигородскаго уѣзда № 2/¹⁶⁷⁶; А. II, I, № 108 (1499): „Да и тѣ есмь люди далъ имъ старожилцовъ, которые живутъ на той землѣ“; Сборн. Мухан. № 280 (1538): жалованьемъ великаго князя кн. Ѳед. М. Мстиславскій пожаловалъ церкви Леонтія двѣ деревни „со крестьяны“ и предоставилъ „тѣмъ деревнями и пустошми, пашнею и укусомъ и крестьяны владѣть“.

Такими пожалованіями создавался соблазнительный примѣръ для другихъ вотчинниковъ, владѣвшихъ пожалованными землями. И естественно, что при подобныхъ условіяхъ въ составѣ сельскаго населенія поморскихъ уѣздовъ появился контингентъ владѣльческихъ крестьянъ у монастырей Соловецкаго, Кирилло-Бѣлозерскаго, Сійскаго, Николы-Корельскаго, Ростовской архіепископіи и нѣкоторыхъ другихъ. По отношенію къ этимъ владѣльческимъ крестьянамъ уже въ XVI вѣкѣ практикуются тѣ же мѣры закрѣпощенія, слѣды которыхъ сохранились и въ практикѣ второй половины XVI вѣка другихъ областей Московскаго государства. Нагляднымъ тому подтвержденіемъ является грамота 1592 года, данная по челобитію властей Николы-Корельскаго монастыря о вывозѣ обратно за монастырь двухъ искони вѣчныхъ крестьянъ, выбѣжавшихъ безъ отказа, безпошлинно и не въ срокъ; въ грамотѣ предписано, буде тѣ крестьяне „напередъ сего за Никольскимъ монастыремъ жили и выбѣжали безъ отпуску“, возвратить ихъ въ старые деревни и дворы; „да и впредь бы есте,—сказано въ грамотѣ,—изъ Никольскіе вотчины крестьянъ въ заповѣдныя лѣта до нашего указу въ наши въ черныя деревни не волозили, тѣмъ ихъ Никольскіе вотчины не пустошили“¹⁾.

Въ первой половинѣ XVII вѣка начала прикрѣпленія по отношенію къ посадскимъ людямъ и крестьянамъ черныхъ волостей совершенно опредѣленно выразились въ правилѣ, по которому тяглые люди указанныхъ категорій не могли „покинуть впустѣ“, то-есть, безъ жилья, своихъ тяглыхъ дворовъ и участковъ земли. Нарушители этого правила считались бѣглыми и могли быть водворены на прежнія мѣста жительства по инициативѣ-ли заинтересованныхъ общинъ, или по распоряженію правительства. Наблюдаются лишь ко-

¹⁾ Русская Историческая Библіотека, XIV, 135—137. Эта любопытная грамота уже обратила на себя вниманіе и сдѣлалась предметомъ особой статьи: С. А. Адриановъ, Къ исторіи крестьянскаго прикрѣпленія, *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1895, № 1, 239—251. Въ жалованныхъ подтвердительныхъ грамотахъ тому-же монастырю 1607, 1621 и 1623 гг., заключительная часть грамоты 1592 г. формулирована слѣдующимъ образомъ: „ихъ же монастырскихъ крестьянъ въ наши черныя деревни и въ сотни не пріимати, а которые крестьяне, изъ ихъ монастырскіе вотчины выбѣжавъ, живутъ въ черныхъ деревняхъ въ сотняхъ, а въ писцовыхъ княжъ Васильевыхъ (Звенигородскаго) книгахъ написаны Николы Чюдотворца за Корельскимъ монастыремъ, и тѣхъ крестьянъ сыскивая отдавати назадъ Николы Корельскаго монастыря въ вотчину на старые деревни, гдѣ хто жилъ“. Русская Историческая Библіотека, XIV, 187; А. И. II, 105; т. III, 134—135 и 191.

лебанія относительно сроковъ, въ теченіе которыхъ можно было возвращать бѣглецовъ: срокъ опредѣляется или условно до такого-то года ¹⁾, или устанавливается общая давность для сыска бѣглыхъ крестьянъ (урочныя лѣта) ²⁾, или, наконецъ, срокъ вовсе не принимается во вниманіе, такъ что бѣглецовъ, повидимому, можно было сыскивать безсрочно ³⁾. Отъ половины XVII вѣка мы имѣемъ и общія распоряженія о порядкѣ возвращенія бѣглыхъ тяглыхъ людей, изложенныя въ писцовыхъ наказахъ для поморскихъ городовъ. Отъ 1645 года сохранились два такихъ неизданныхъ наказа на Тотьму и въ Соль-Вычегодскую, почти дословно между собою схожихъ ⁴⁾. Въ нихъ неоднократно идетъ рѣчь о сыскѣ и выводѣ на прежнія мѣста жительства тяглыхъ людей. Такъ при описи церковныхъ и монастырскихъ земель писцамъ велѣно переписать и дворы всякихъ жилецкихъ людей съ обозначеніемъ рода занятій ихъ, при чемъ велѣно разунзатъ,

¹⁾ А. И. III, № 286 (1621 Чердынъ): „А бѣглыхъ людей велѣли бѣ естя сыскивати до нынѣшняго 129 г. и велѣли ихъ свозити на старыя мѣста... и впередъ того велѣли беречи накрѣпко, чтобъ крестьяне впередъ не бѣгали“.

²⁾ Тамъ-же, № 160 (1629. Вятка): „Будетъ изъ тѣхъ городковъ (посадскіе люди и уѣздные крестьяне) вышли менши десяти лѣтъ, а не болши десяти лѣтъ... и ты бѣ тѣхъ крестьянъ велѣлъ подавати на крѣпкія поруки съ записми, что имъ жити на своихъ прежнихъ крестьянскихъ жеребьяхъ по прежнему“; Д. къ А. М. III, № 32 (1647. Сумерская волость): „а выводилъ тѣхъ сошлыхъ крестьянъ на прежніе ихъ участки, гдѣ кто жилъ, за 15 лѣтъ или малымъ чѣмъ болши“.

³⁾ *Крестининъ*, Краткая исторія о городѣ Архангельскомъ, стр. 168—175: въ грамотахъ 1607 и 1613 указано: „которые жилицы отъ Архангельскаго города въ рознь разбрелись и у города не живутъ и ихъ сыскавъ приводить въ Архангельской городъ на житье“; см. А. Э. III, № 141 (1623. Устюжна).

⁴⁾ Первый изъ нихъ—Тотемскій—указанъ *П. Н. Милюковымъ*, Государственное хозяйство, стр. 69 примѣчаніе. Но этотъ наказъ безъ начала и конца и отнесенъ къ 1646 г. неправильно, такъ какъ въ текстѣ его стоитъ: Да въ нынѣшнемъ 153 году, апрѣля въ 19 день, указалъ государь царь и великій князь Михайлъ Ѳеодоровичъ etc. (Архивъ Министерства Иностранныхъ дѣлъ Приказн. Дѣла 1646 № 130, л. 23, ср. л. 13). Второй наказъ хранится въ тѣхъ же приказныхъ дѣлахъ подъ ошибочной датой 1625 г. № 25. Дѣло начинается челобитьемъ 152 г. „Соли-Вычегодскіе всеуѣздныхъ челобитчиковъ“ о посылкѣ писцовъ, такъ какъ прежніе писцы писали въ 132 г. посадъ и уѣздъ „въ малые сошки неравно“. Вслѣдствіе этого челобитья въ 153 г. посланъ писецъ Богданъ Приклонскій и подьячій Осипъ Трофимовъ, которымъ изъ Устюжской чети за приписью дьяка Миня Грязева даны приправочныя книги, „а для мѣры дана имъ сажень на Москвѣ“, и затѣмъ данъ наказъ, черновая котораго и сохранилась цѣликомъ въ дѣлѣ. Приводимыя въ текстѣ выдержки вполнѣ тождественны въ обоихъ наказахъ.

платятъ-ли они какіе-либо оброки съ монастырскими людьми, „и какіе люди тѣ люди бывали прежде сего, не изъ посадскихъ-ли и не изъ волостныхъ-ли людей съ тягла тѣ люди, лготя себѣ на тѣ монастырскія и на церковныя земли жити пришли“. Еслибы по сыску дѣйствительно подтвердилось, что тѣ люди „прежде сего бывали тяглые государевы посадккіе и волостные черныхъ деревень, а не старинные монастырскіе и церковные, а изъ за государя будетъ вышли за монастыри и за церкви послѣ писцовъ, и писцомъ тѣхъ всѣхъ людей изъ за монастырей и изъ за церквей вывести по прежнему за государя на старые ихъ жеребьи, гдѣ кто жилъ напередъ сего, посадскихъ людей на посадъ, а волостныхъ людей въ волости, и тѣмъ всѣмъ людямъ велѣти жити въ тяглѣ по прежнему на старыхъ жеребьяхъ, а въ житѣ и въ тяглѣ и во всякихъ податѣхъ по тѣхъ людехъ имати поручныя крѣпкія записи, а въ тягло велѣти ихъ выборнымъ людямъ положить, примѣряясь къ ихъ братья, къ посадкимъ и къ волостнымъ крестьянамъ“. Далѣе при описи въ уѣздахъ государевыхъ черныхъ волостей писцы должны были отмѣчать пустые дворы и пустовую землю, на которой нѣтъ жильцовъ, и о томъ сыскать „гдѣ тѣ люди, которые въ тѣхъ селехъ и въ деревняхъ жили, отчего тѣ села и деревни запустѣли“. И еслибы по сыску оказалось, что „изъ которой волости вышли крестьяне изъ за государя послѣ московскаго раззоренья со 121 года по 131 годъ и послѣ писцовъ Пароенья Мансурова и Ивана Благово и по нынѣшній 153 годъ ¹⁾, въ которые города, хъ которымъ городамъ усольскаго (тотемскаго) уѣзда который станъ или волость подошла, на посадки и за помѣщиковъ и за вотчинниковъ и за монастыри и на церковныя земли, а *ихъ жеребьи лежатъ нынѣ пусты*, или будетъ у которыхъ крестьянъ послѣ ихъ остались жены и дѣти, или братья или племянники, а вѣдомо про нихъ будетъ, что они живутъ за монастыри или за кѣмъ нибудь въ тѣхъ же городѣхъ или въ уѣздѣхъ, а изъ за государя будетъ вышли со 121 года и со 131 года (со 117 года или со 119 года и со 131 года) и писцамъ про тѣхъ крестьянъ и крестьянскихъ женъ и дѣтей и братью и племянниковъ, которые на тѣхъ мѣстахъ жили, сыскивати и спрашивати имянно, кто име-

---

¹⁾ Въ Тотемскомъ наказѣ сказано такъ: „вышли крестьяне изъ за государя до московскаго раззоренья со 117 г. и послѣ московскаго раззоренья со 119 г. по 131 г. и послѣ писцовъ Токи Дурова да подьячего Остаея Колопанова и по нынѣшней 153 г.“.

немъ на которомъ жеребью жилъ и сколь давно сшолъ и имати обѣ нихъ письмо въ волостяхъ за поповыми руками и велѣтъ ихъ вывозити въ тѣ волости и въ деревни и сажати ихъ на старые ихъ жеребьи и лгота имъ давати смотря по разоренію и по пашнѣ. А будетъ которыхъ посадскихъ людей и уѣздныхъ крестьянъ вывезти имъ безъ государева указу изъ за кого нелзѣ, и писцамъ писати о томъ къ государю царю и великому князю Михаилу Ѳеодоровичу всея Руси, и государь велитъ о томъ указъ учинитъ⁴.

Приведенныя выдержки вполнѣ опредѣленно рисуютъ, съ какой строгостью проводило московское правительство мысль о прикрѣпленіи къ мѣсту жительства тяглыхъ людей въ поморскихъ уѣздахъ, и эта мысль была вполнѣ усвоена и самимъ населеніемъ, которое нерѣдко обращалось къ правительству съ просьбой вернуть старыхъ тяглецовъ на прежніе ихъ пустые жеребьи¹⁾.

Только что сказанное вполнѣ подтверждается и обычной формой волостныхъ порядныхъ, записей, по которымъ новые волостные жильцы, получая отъ волости участки земли, обыкновенно подъ условіемъ нѣсколькихъ лѣтъ льготы, всегда принимали обязательство послѣ льготныхъ лѣтъ „безъ жильяца того повытъя не покинуть“ или „впустѣ того повытъя не покинуть“²⁾.

---

¹⁾ А. Э. III № 286 (1621): Чердынского уѣзда двухъ приходоу крестьяне жалуются, что „изъ тѣхъ де погорѣлыхъ деревень въ Сибирь и внизъ по Камѣ рѣкѣ, и въ Строгановыхъ слободы разошлося 37 семей тяглыхъ крестьянъ“; Русская Историческая Библіотека XIV, 971 (1657): воевода Яренскаго городка сообщилъ челобитіе крестьянъ Княжь-Погоцкой трети о томъ, что „въ прошломъ во 155 году, не хотя съ ними Княжь-Погоцкой трети жити и государевыхъ доходовъ платити, выбѣжали отъ нихъ лучіе крестьяна (6 человекъ) зъ женами и зъ дѣтми и зъ животы, деревни свои покинули впустѣ и нынѣ де живутъ въ Устюжескомъ уѣздѣ за Троицкимъ и за Ивановскимъ монастыри“.

²⁾ Двѣ такіе порядныя 7141 сентября 1 и 7157 апрѣля 1 въ Русской Исторической Библіотекѣ, XIV, 367 и 400; и двѣ поручныхъ 7155 октября 6 и 7161 марта 26, Архивъ Министерства Иностранныхъ дѣлъ, Приказн. Дѣла № 86—1641 г. и Русская Историческая Библіотека, XIV, 412—414. Въ первой изъ поручныхъ между прочимъ сказано: „А будетъ онъ Семень за нашу порукою тою деревнею Зубаревымъ всею не учнетъ владѣти и государевыхъ податей, какъ льготные годы отойдутъ, не учнетъ сполна платити и въ пустѣ покинетъ, а *жилица добраю платажнаго въ свое мѣсто не посадитъ*, ино на насъ etc... Ср. владѣнную на оброчную землю у А. А. Спицына, Земля и люди на Вяткѣ, 44—45. Въ Хлыновской переписной книгѣ 1678 года записано, что крестьянину Чепецкаго стана Обухову по данной велѣно: „на новомъ мѣстѣ подъ пашню и подъ сѣнные покосы раменную землю и лѣсъ расчищать и дворами селиться, а съ того мѣста оброкъ и

Указанных фактов совершенно достаточно, чтобы оцѣнить значеніе догадки, будто черные крестьяне свободно могли переходить въ разрядъ половниковъ, и будто правительство не только снисходительно смотрѣло на такой переходъ, но даже поощряло его ¹⁾.

Но рядомъ съ указанными фактами, подтверждающими отсутствіе права переходовъ у тяглыхъ крестьянъ поморскихъ уѣздовъ, можно отмѣтить рядъ другихъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что среди рядовъ сельскаго населенія поморскихъ уѣздовъ существовалъ значительный контингентъ бродячаго населенія, изъ котораго преимущественно и пополнялся классъ половниковъ и крестьянъ-порядчиковъ. Свобода перехода, сохранившаяся у половниковъ и крестьянъ-порядчиковъ и составляющая отличительную черту этого класса, больше всего поражаетъ изслѣдователя, уже присмотрѣвшагося къ общей картинѣ повсюду проникающаго и усиливающагося закрѣпощенія сельскаго и городского населенія. Объ этой свободѣ перехода до недавняго времени судили исключительно на основаніи позднѣйшихъ данныхъ XVIII вѣка. Автору статьи о половникахъ, К. А. Попову, извѣстна была всего одна только половническая порядная середины XVII вѣка. Г-жа Ефименко располагала, повидимому, уже значительнымъ количествомъ порядныхъ преимущественно XVII, отчасти XVI вѣка. Къ сожалѣнію, остается неизвѣстнымъ ни общее число находившихся въ ея распоряженіи порядныхъ, ни число въ частности собственно половничьихъ порядныхъ въ отличіе отъ крестьянскихъ. Въ настоящее время въ актахъ Холмогорской и Устюжской епархій напечатано нѣсколько половничьихъ порядныхъ, такъ что въ общемъ намъ извѣстно до 15-ти актовъ этого рода ²⁾.

стрѣleckія деньги и всякіе доходы платить съ товарищи съ Чепецкими крестьяны вмѣстѣ и въ пустѣ безъ жильца не покинуть, и въ томъ по немъ поручная запись взята“. Нѣкоторыми данными вятскихъ писцовыхъ и переписныхъ книгъ мы имѣли возможность воспользоваться по копіямъ, принадлежащимъ А. А. Спицыну, которому и приносимъ свою благодарность.

¹⁾ *Отечественныя Записки*, издаваемые *Свининнымъ*, 1823 года, ч. XIII, 257—258.

²⁾ Вотъ ихъ перечень:

1) 7107, марта 13 (въ заголовкѣ 1619?) Гledenскаго монастыря поручная, Русская Историческая Библіотека XIV, 859—860.

2) 7108, октября 29. Устюжской соборной церкви порядная, тамъ-же, XII, 140—141.

3) 7130, генваря 10. Гledenскаго монастыря порядная, тамъ-же, XIV, 876—878.

4) 7136, марта 25. Спасской церкви порядная, тамъ-же, XIV, 354—357.

Всѣ они, кромѣ одной поручной, являются условіями срочными съ точно обозначеннымъ срокомъ контракта. Въ семи случаяхъ срокъ установленъ трехлѣтній, въ трехъ—четыrehлѣтній и по одному случаю выпадаетъ на двухлѣтній, пятилѣтній и десятилѣтній сроки; наконецъ, въ одномъ случаѣ срокъ опредѣленъ условно до возвращенія ссуды ¹⁾. Съ истеченіемъ срока для половника наступала возможность воспользоваться правомъ перехода. Почти во всѣхъ порядныхъ идетъ рѣчь о выходѣ или выѣздѣ съ половья послѣ отживныхъ срочныхъ лѣтъ ²⁾. Мало того. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ предусматривается и досрочный выходъ, который влечетъ за собой лишь обязанность уплатить неустойку (зарядъ) ³⁾.

5) 7142, марта 8. Гledenского монастыря порядная, тамъ-же, XIV, 942—947.

6) 7143, декабря 10. Того-же монастыря порядная, тамъ-же, XIV, 948—955.

7) 7156, церкви Аванасія Александрійскаго, *Москвитянинъ* 1853 г. № 12.

8) 7157, ноября 27. Устюжской соборной церкви порядная, Русская Историческая Библиотека XII 249—252.

9) 7159, октября 20. Гledenского монастыря порядная, тамъ-же, XIV, 966—971.

10) 7171, декабря 12. Устюжской соборной церкви порядная, тамъ-же, XII, 367—369.

11) 7174, ноября 22. Той-же церкви порядная, тамъ-же, XII, 401—403.

12) 7186 декабря 1. Той-же церкви порядная, тамъ-же, XII, 464—467.

13) 7193, сентября 17. Кунгурскаго приказнаго подъячего, Кунгурскіе акты, 130—132.

14) 7193, ноября 7. Гledenского монастыря порядная, Русская Историческая Библиотека, XIV, 1135—1141.

15) 7203, апрѣля 24. Устюжской соборной церкви порядная, тамъ-же, XII, 1167—1169.

Кромѣ того напечатаны отрывокъ половничьей порядной 7113 марта 24 въ Русской Исторической Библиотецѣ XIV, 559—560, и договорное письмо 1719 г. (въ извлеченіи) у А. А. *Спицына*, Земля и люди на Вяткѣ, 31—32. Наконецъ, извѣстны по явкамъ и двѣ словесныхъ порядныхъ въ половничество 1617 и 1627 гг. Русская Историческая Библиотека, XIV, 627 и 675.

¹⁾ Кунгурскіе акты, 131: „И впредь намъ на него исполу пахать потомужъ противъ сей записи, по кѣхъ мѣстѣ тѣ ссудные деньги за нами исполниками по будутъ“.

²⁾ Русская Историческая Библиотека XIV, 946: „А отживемъ срошныя годы и поѣдемъ вонъ“; *ibid.*, 954: „А отживемъ срошныя годы и поѣдемъ вонъ изъ деревни“; *ibid.*, 970: „А отживу изъ половникъ срошныя годы и пойду вонъ изъ половья“.

³⁾ Русская Историческая Библиотека XIV, 356: „А не доживу изъ на той деревни до срочного лѣта и изъ деревни съѣду... и мнѣ дати заставы по сей записи Спасу въ казну 10 рублевъ денегъ“.

Такое заключеніе о свободномъ переходѣ половниковъ, основанное на буквальныхъ словахъ значительнаго числа порядныхъ, подкрѣпляется и прямымъ свидѣтельствомъ самихъ хозяевъ-вотчинниковъ. Напримѣръ, когда въ Усольскомъ уѣздѣ по распоряженію государя описаны были въ 1651 г. у монастырей и торговыхъ людей покупныя и закладныя черныя деревни, то вслѣдъ затѣмъ монастырскія власти Ивановскаго и Гledenскаго монастырей ходатайствовали объ оставленіи за ними ихъ владѣній, при чемъ указывали и на порядокъ ихъ эксплуатаціи: „А пашутъ тѣ ихъ черныя покупныя деревни *наемные люди, договорая на годъ и на два и на три*, недостаточные люди, а хлѣбъ всякой и сѣна дѣлать съ ними; себѣ емяютъ за работу половину, а другую даютъ имъ. А опроче того хлѣба, инаго ничего съ нихъ къ нимъ не идетъ. А что де отъ половниковъ имъ хлѣба достанетца, и съ того хлѣба, продавъ, платили они всякіе наши подати, да тѣмъ же строилось наше богомолье-церкви Божіи“ etc. ¹⁾.

Еще любопытнѣе указаніе гостя Кирилла Босова, владѣвшаго деревнями въ Устюжскомъ уѣздѣ, въ его челобитной на сыщика, посланнаго на Устюгъ для сыска бѣглыхъ крестьянъ заонежскихъ погостовъ: „А въ нашихъ, государь, мѣстѣхъ живутъ у насъ въ деревнишкахъ нашихъ *крестьяне твои государевы волностью на урочные лѣта*, кто на сколько лѣтъ уговоритца жить, иные на два и на три годы, какъ кому въ которыхъ мѣстѣхъ поживетца. А какъ, государь, имъ урочные годы отойдутъ, и они, государь, переходятъ въ иные деревни къ инымъ хозяевамъ; а кому, государь, не поживетца, и они и до урочныхъ лѣтъ отходятъ. А сильно, государь, у насъ никою не держать, а живутъ, что наймиты, а хлѣбъ, государь, пашутъ на своихъ коняхъ исполу: намъ половина, а имъ другая. А твои государевы всякіе подати во всякіе поборы съ тѣхъ своихъ деревень платимъ мы, холопи твои, своими денгами съ черными крестьяны *вмѣстѣ*“ ²⁾. Значить и самимъ вотчинникамъ половническая аренда

¹⁾ Грамоты Колл. Экон., Усольск. у., № ³⁹/13970: грамота къ воеводѣ Солявыгодскому 16-го января 1652 г. по поводу челобитья властей Ивановскаго монастыря; тамъ же, № ⁴⁰/13971: такая же грамота по челобитью властей Троицкаго Гledenскаго монастыря. Эта послѣдняя по списку напечатана въ Русской ист. библ., XII, 261—266.

²⁾ Архивъ Мин. Ин. Дѣлъ, Приказныя Дѣла, № 52, 1646—1647 г. Ср. еще Русск. Ист. Библ., XII, 198 (1634): „А пашутъ де тѣ ихъ вотчины (Гledenскаго монастыря) исполу половники по уговору; а отживъ урочные годы, тѣ половники отходятъ отъ нихъ прочъ“.

представлялась совершенно свободнымъ, добровольнымъ отношеніемъ. уподобленнымъ или приравняваемымъ къ вольному найму. Наймиты-же въ Московскомъ государствѣ считались вольными людьми. До насъ сохранился цѣлый рядъ „сказокъ“ людей, поступающихъ въ крестьяне или кабальные холопы. Многіе изъ нихъ называютъ себя вольными людьми. Обычной чертой ихъ біографіи является указаніе, что они „жили въ наймѣхъ, кормились работою“, или—„ходили по наймомъ въ казакѣхъ“, или „жили въ наймѣхъ походя“¹⁾. Подобныя показанія нерѣдко дополнялись еще отрицательной чертой, что такіе вольные люди „во дворѣ въ холопѣхъ ни у кого не служивали и во крестьянѣхъ и въ бобылѣхъ ни за кѣмъ не жила“²⁾. Вольные люди всегда противопоставляютъ себя крестьянамъ, бобылямъ и холопамъ, какъ людямъ подневольнымъ, крѣпостнымъ, потому что они живутъ за государемъ, за церковными учрежденіями и за частными лицами по крѣпостямъ. Совершенно подобнымъ образомъ и хозяева вотчинники противопоставляютъ половниковъ крѣпостнымъ крестьянамъ и бобылямъ.

Въ 1637 г. власти монастырей Гledenского, Телегова и Прилуцкого подаютъ заявленіе, что у нихъ монастырскихъ вотчинъ и церковныхъ земель нетяглыхъ нѣтъ, „а пашутъ де у нихъ тѣ монастырскіе земли изполу по уговору половники и наемные люди, а монастырскихъ крестьянъ и бобылей нѣтъ“³⁾. Еще отчетливѣе подобное указаніе въ челобитной, поданной въ 1687 г. устюжскому архіепископу всѣми монастырями и церквами Сольвычегодскаго уѣзда: „а которые за нами дворы по переписнымъ книгамъ написаны въ монастырскихъ и церковныхъ и крыласкихъ вотчинахъ, и въ тѣхъ дворѣхъ живутъ половничиска наши волные pogodно, а не вѣчные крестьяне, и тѣ наши дворы не сличны верховскимъ монастыремъ и

¹⁾ См., напримѣръ, Новгородскія кабальныя книги 7107 г., изд. С. О. Платоновымъ, стр. 6, 13, 16, 20, 28, 41, 43, 48, 49, 61, 66, 72 и 77.

²⁾ Журналъ землевладѣль. 1858 г., т. I, запись № 3; Архивъ историч. и практич. свѣдѣній 1859 г., кн. 2, 94—96. Ср. еще въ Архивѣ Мин. Юст. книгу Вотчинной конторы по г. Пскову № 84/1626, запись № 34: „человѣкъ волной, ни въ которомъ городѣ ни въ государевыхъ служилыхъ людяхъ, ни въ стрѣльцѣхъ, ни въ пушкарѣхъ, ни въ казакѣхъ, ни въ воротникѣхъ, ни въ которомъ городѣ ни въ посадникѣхъ людѣхъ, ни на государственной дворцовой, ни на монастырской, ни на церковной, ни на помѣщичьей земли въ деревни во крестьянѣхъ, ни въ бобылѣхъ, ни въ холопѣхъ не бывалъ“.

³⁾ Русск. Ист. Библ., XII, 200 — 201; ср. ib., 333 (1661): „а данныхъ де крестьянъ и земель у нихъ (монастырей) нѣтъ“.

церквамъ“¹⁾. Въ переписныхъ книгахъ, напримѣръ, Хлыновскихъ, о половникахъ сказано: „а тѣ половники живутъ по срочнымъ записямъ“, почему они и называются „срочными половниками или исполниками“.

Такое противоположеніе вольныхъ половниковъ крестьянамъ и даже *извѣстнымъ* крестьянамъ свидѣлствуетъ прежде всего, что землевладѣльцамъ поморскихъ уѣздовъ были близко знакомы порядки верховскихъ (центральныхъ) городовъ и уѣздовъ. Не разъ приходилось имъ въ своихъ челобитьяхъ отмѣчать существенное различіе вотчиннаго владѣнія на сѣверѣ и въ центральныхъ областяхъ Московскаго государства. Это различіе отражалось, конечно, и на отношеніяхъ вотчинниковъ къ населенію ихъ вотчинъ. И по скольку противоположеніе половниковъ крестьянамъ не выходило за границы сравненія поморскихъ порядковъ съ верховскими, до тѣхъ поръ это противоположеніе не противорѣчитъ извѣстнымъ намъ даннымъ. Но внѣ этого сравненія особенности въ положеніи половниковъ предстоитъ еще выяснить.

У поморскихъ вотчинниковъ наряду съ половниками существовали арендаторы другого вида, которые назывались крестьянами-порядчиками, такъ какъ поряжались „жить и работать во крестьянехъ“. Сравненіе этого типа аренды съ арендой половнической поможетъ намъ выяснитъ и характерныя особенности послѣдней.

Только что поставленный вопросъ уже обсуждался въ исторической литературѣ. Авторъ „Крестьянскаго землевладѣнія на крайнемъ сѣверѣ“ начинаетъ главу своего изслѣдованія, посвященную характеристикѣ половниковъ, слѣдующимъ замѣчаніемъ: „Мы всюду, вслѣдъ за Бѣляевымъ и другими изслѣдователями, называли наше безземельное крестьянство, сидѣвшее по свободному договору на владѣльческихъ земляхъ, половниками, но должны здѣсь измѣнить терминологию. Удобнѣе употреблять термины такъ, какъ они употреблялись въ жизни. Въ предѣлахъ Архангельской губерніи крестьяне, сядившіеся на владѣльческихъ земляхъ по свободному договору, „по рядѣ“, „по порядку“, всегда назывались порядчиками. Порядчики могли сидѣть изъ половины, изъ трети продукта, то-есть, могли быть половниками или третчиками, могли сидѣть и на другихъ условіяхъ, которыя были очень разнообразны и опредѣлялись каждый разъ договоромъ—все-таки это были порядчики. Такимъ образомъ половникъ

---

¹⁾ Тамъ же, 836; ср. XIV, 442 (1676 г. Черногорская пустынь).

былъ лишь частнымъ видомъ порядчика“ ¹⁾. Отсюда можно было-бы заключить, что авторъ не видитъ какой-либо замѣтной грани, по крайней мѣрѣ, юридической, между половниками и крестьянами порядчиками. Дальнѣйшее изложеніе, гдѣ рѣчь идетъ о порядчикахъ вообще, какъ бы подтверждаетъ эту догадку. Но одно сопоставленіе порядчиковъ съ половниками бросаетъ свѣтъ на серьезное различіе въ ихъ юридическомъ и хозяйственномъ положеніи. „Крестьянинъ,—говоритъ авторъ,—который бралъ на порядъ землю, бралъ на себя и всѣ обязательства, лежащія на этой землѣ по отношенію къ государству. Только въ тѣхъ случаяхъ, когда отдавалась на порядъ не деревня или часть ея, а какой нибудь кусокъ, оторванный отъ деревни, владѣлецъ оставлялъ за собою отправленіе общественныхъ и государственныхъ повинностей“ ²⁾. Наоборотъ, „половникъ или третникъ обыкновенно не тяглецъ. Если это положеніе и не было закономъ, не допускавшимъ исключеній, то во всякомъ случаѣ оно было общимъ правиломъ“ ³⁾. Итакъ, ^{бывшій} по общему правилу порядчикъ крестьянинъ—тяглый человѣкъ, а половникъ не тяглецъ. Такому важному юридическому различію авторъ подыскалъ и экономическую основу: „порядчики чернотяглыхъ деревень садились изъ-за опредѣленной платы денежной или хлѣбной. Мы не знаемъ такихъ случаевъ, чтобы на такой деревнѣ садились изъ-за доли продукта (половины, трети). Половники или третники встрѣчаются на оброчныхъ деревняхъ и на тяглой землѣ лишь въ такихъ случаяхъ, когда эта земля не составляетъ особой деревни или доли ея, а представляетъ обособленный кусокъ, съ котораго самъ владѣлецъ тянетъ тягло... На тяглой землѣ, въ виду тяжести государственныхъ и общественныхъ повинностей, вѣроятно, не было возможности сидѣть изъ доли“.

Эта мысль до нѣкоторой степени нашла отраженіе и въ позднѣйшей исторической литературѣ, хотя къ сожалѣнію не въ достаточной мѣрѣ. Такъ А. С. Лаппо-Данилевскій отмѣтилъ, что „было время, когда половники не считались членами крестьянской тяглой общины, такъ какъ повидимому не тянули тягла. Напротивъ, во второй половинѣ XVII вѣка они подлежатъ прямому обложенію“. Такая юридическая перемѣна въ положеніи половниковъ произошла, по мнѣ-

¹⁾ А. Ефименко, Изслѣдованія народной жизни, стр. 280—281.

²⁾ Въ примѣчаніи къ приведеннымъ словамъ авторъ дополняетъ, что и „на церковныхъ оброчныхъ деревняхъ церковь тоже брала на себя оброкъ“.

³⁾ Назв. соч., стр. 285 и 289.

нію автора, вслѣдствіе измѣненія въ хозяйственномъ положеніи подѣ вплиніемъ землевладѣльческой ссуды, „которая превращала отношенія половника къ землевладѣльцу въ подневольныя“. „Такія измѣненія въ положеніи половника должны были повліять и на его податныя отношенія къ правительству. Какъ мелкій арендаторъ землепашецъ, онъ не принималъ на себя податныхъ обязанностей; въ одной порядной самого конца XVI вѣка встрѣчаемъ прямыя указанія на то, что „дань и оброкъ и всякіе государевы разметы ватаманскіе“ платитъ землевладѣлецъ мимо половника. Но когда началъ обнаруживаться процессъ смѣшенія половничества съ крестьянствомъ, половники стали тянуть тягло, платить по писцовымъ книгамъ всякіе платежи и четвертные доходы и службы служить наравнѣ и нерѣдко вмѣстѣ съ посадскими людьми и волостными крестьянами“ ¹⁾).

Съ этимъ мнѣніемъ согласился и П. Н. Милуковъ. „Половникъ, рядившійся на короткій срокъ,—говоритъ онъ,—чаще всего на одинъ трехпольный сѣвооборотъ, со своею снастью, былъ случайнымъ гостемъ на владѣльческой землѣ, ничѣмъ съ ней не связаннымъ, кромѣ срока своей порядной. Если онъ и попадалъ въ писцовую книгу, то писался въ ней „въ особой статьѣ“, а не „со крестьяны вмѣстѣ“, „и платить велѣно“ было съ половничьихъ дворовъ „особо“. Это и понятно, такъ какъ вступая въ договоръ, половникъ вовсе не обязывался, подобно крестьянину, „всякіе великаго государя подати платить со сосѣдями вмѣстѣ или съ міромъ врьдъ, по сотной писцовой книгѣ“; онъ не обязывался также своего участка „впустѣ безъ жилья не покинуть“, то-есть, пріискать на свое мѣсто новаго нанимателя. Даже тогда, когда онъ садился на *тяглую* землю, онъ оставался тѣмъ же „наемнымъ человѣкомъ“, который пашетъ „по уговору“; естественно, что онъ зналъ только своего хозяина, а послѣдній, въ качествѣ владѣльца тяглаго участка, „платилъ дань и оброкъ, всякіе разметы“ уже „мимо половника“. П. Н. Милуковъ согласился съ А. С. Лаппо-Данилевскимъ и въ томъ, „что въ концѣ (во второй половинѣ?) XVII вѣка половники несутъ тягло на ряду съ крестьянствомъ; иногда такіе половники прямо даже носятъ названіе „черныхъ тяглыхъ половниковъ“ и сами подраздѣляются на крестьянъ и бобылей“. Онъ только усумнился въ правильности истолкованія причинъ такой перемѣны ²⁾).

¹⁾ Организация прямого обложенія въ Московскомъ государствѣ, 104—105.

²⁾ Спорные вопросы финансовой исторіи Московскаго государства, 80—81.

Хотя оба послѣдніе автора не отмѣчаютъ съ точностью, о какого рода половникахъ они говорятъ, то-есть, разумѣютъ-ли они вообще порядчиковъ или имѣютъ въ виду только частный видъ послѣднихъ, но можно догадываться, что они желали указать особенности въ положеніи половниковъ въ тѣсномъ смыслѣ.

Посмотримъ, въ какой мѣрѣ могутъ быть приняты только что указанные выводы. Начнемъ съ разбора основной юридической особенности въ положеніи половниковъ, благодаря которой они выдѣляются въ особую группу нетяглаго сельскаго населенія поморскихъ уѣздовъ въ теченіе всего-ли московскаго періода, или только до половины XVII вѣка.

Въ краткомъ отзывѣ о книгѣ А. С. Лаппо-Данилевскаго мы имѣли уже случай выразить сомнѣніе въ правильности предположенія, будто „было время, когда половники не считались членами крестьянской тяглой общины, такъ какъ повидимому не тянули тягла“. Въ противовѣсъ указанному авторомъ факту отъ конца XVI вѣка тамъ приведены были два факта половины XV вѣка въ подтвержденіе того, что половники привлекались и къ отбыванію тягла¹⁾. Факты эти относятся къ Новгородской и Тверской землямъ. Можно отмѣтить еще нѣсколько аналогичныхъ фактовъ за время до начала XVI вѣка и относящихся къ уѣздамъ Ярославскому, Бѣлозерскому и Костромскому²⁾. Но въ виду того, что эти факты относятся къ

¹⁾ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1890 г., № 8, 375—376, ср. А. Э. I №№ 32 и 34.

²⁾ *Амурскій*, Исторія іерархіи, VI, 230—231: въ жалованной грамотѣ князя Вас. Давыд. Ярославскаго († 1345) Спасо-Ярославскому монастырю: „А кого перезоветь игумень изъ иныхъ волости то люди св. Спаса, а мнѣ ся въ нихъ не вступати; а кто будетъ людей моихъ св. Спаса въ половницы, а тѣ потянуть ко мнѣ данью и виною“ (грамота вторично напечатана въ протоколахъ Археографической комиссіи, вып. III, 481—482); тамъ-же VI, 676: въ жалованной грамотѣ князя Мих. Андр. Череповскому Воскресенскому монастырю: „пожаловалъ есмь его езovníковъ и половниковъ монастырскихъ череповскихъ, не надобе имъ моя дань, ни города дѣлати, ни тесу тесать, ни иныя ни которыя пошлины“; Сборникъ Троицко-Сергіева монастыря № 532, л. 1007: въ судномъ дѣлѣ Залѣшанъ и Березовчанъ съ Троицкимъ-Сергіевымъ монастыремъ о пустоши Оглоблинской живущій на этой пустоши Ивашко Ондроновъ сказалъ: „отецъ мой, господине, пришолъ въ ту землю Оглоблино, а язъ съ своимъ отцомъ на того Стенанкова отца мѣсто на Понаеиду на полничество, а ужъ тому полпятьдесять лѣтъ, а половничю, господине, на монастырь, а дань даемъ, господине, великаго князя данщикамъ х Костромѣ, а службу служимъ съ костромляны, а къ ихъ, господине, къ залѣсскому столцу не тянемъ ничѣмъ“. Ср. Акты Ѳедотова-Чеховскаго, I, 36.

сравнительно раннему времени и имѣли мѣсто внѣ предѣловъ поморскихъ уѣздовъ, а именно въ уѣздахъ, гдѣ въ болѣе позднее время половники не упоминаются вовсе, будетъ, можетъ быть, осторожнѣе не придавать этимъ фактамъ рѣшающаго значенія, хотя и они должны найти оцѣнку въ общей исторіи половничества. Однако и помимо этихъ фактовъ можно отмѣтить рядъ данныхъ, начиная съ половины XVI вѣка, всецѣло относящихся къ поморскимъ уѣздамъ и указывающихъ, что половники привлекаются къ отбыванію тягла въ той или иной формѣ. Первыми по времени изъ извѣстныхъ намъ данныхъ этой категоріи являются двѣ почти сходныхъ грамоты земскимъ судьямъ Устюжскаго уѣзда, обѣ отъ 12 іюня 1558 г., о ненарушеніи жалованныхъ грамотъ, выданныхъ Гledenскому монастырю въ 1539 г. и устюжской соборной церкви въ 1549 г., съ подтвердительными подписями на этихъ грамотахъ 1551 г. мая 17. Въ грамотахъ предписано земскимъ судьямъ съ деревень, записанныхъ за монастыремъ и за соборомъ въ писцовыхъ книгахъ Андрея Карамышева „на пречистенскомъ протопопѣ съ братією (на троицкомъ игуменѣ зъ братъєю) и на ихъ людѣхъ и на крестьянѣхъ и на *половникѣхъ*, которые въ тѣхъ ихъ деревняхъ живутъ, оброку за намѣстничи доходы и за волостелинѣ и за ихъ пошлинныхъ людей пошлыны и за всякіе доходы не имати, а людей бы есте ихъ и крестьянѣ и *половниковѣ* не судити. А которые деревни за ними ново, въ Андреевыхъ книгахъ Карамышева тѣ деревни за протопопомъ съ братією не написаны, и вы бы съ тѣхъ деревень оброкъ за намѣстничѣ и за волостелинѣ доходъ и за ихъ пошлинныхъ людей пошлыны и за всякіе доходы имали, и людей бы есте ихъ и крестьянѣ и *половниковѣ* судили потомужъ, какъ и иныхъ черныхъ волостныхъ людей“ ¹⁾. Значитъ, половники по общему правилу привлекаются къ платежу откупнаго оброка за намѣстничѣ доходъ наравнѣ съ крестьянами черныхъ волостей и только по жалованной грамотѣ могутъ быть освобождены отъ него. Оброкъ-же за намѣстничѣ кормъ является несомнѣнно составною частью тягла или однимъ изъ его видовъ. Нѣсколько позднѣе, именно отъ 1579 г., имѣется указаніе, что половники отбываютъ и другіе виды тягла. Въ описи Сольвычегодскаго Благовѣщенскаго собора 1579 г. находится „перепись отписямъ-платежницамъ московскимъ и волостнымъ отписямъ“, въ числѣ кото-

¹⁾ *Румозскій*, Описаніе Велико-Устюжскаго собора 1862, Приложение № V, и Русская Историческая Библіотека XIV, 823—827.

рыхъ упомянуть „въюкъ отписей платежницъ въ дань и въ оброкъ и во всякихъ податяхъ Пачезерскіе волости съ полудеревни Осовалова, что Елизарій Елъка Прокопьевъ сынъ Букинъ платилъ по порядной, какъ половничалъ“ ¹⁾. Затѣмъ, совершенно очевиднымъ подтвержденіемъ участія половниковъ въ тяглѣ являются прямые свидѣтельства волостныхъ разрубныхъ списковъ. Такъ отъ 1582 года сохранился разрубной списокъ Ухтостровской волости о раскладкѣ корма и подводъ государскому послу „на волостные верви и на церковныхъ половниковъ“ по 4 деньги съ верви ²⁾. Наконецъ, отъ конца XVI вѣка сохранилось нѣсколько сотныхъ выписей на вотчины духовныхъ властей и монастырей, заселенныя почти сплошь половниками, которые однако положены въ выти и сохи и несутъ тягло, размѣры котораго иногда и обозначены. Напримѣръ, въ 1587 г. выдана сотная „владыки вологодскаго *крестьянамъ*, почему имъ государевы доходы платить опричь посадскихъ и волостныхъ людей“. Въ итогѣ сотной показано, что „всего владычныхъ селцо да семь деревень, а въ нихъ дворъ прикащиковъ, да 15 дворовъ, а въ нихъ половниковъ 15 человекъ, непашенныхъ 13 дворовъ, въ нихъ 14 человекъ. Пашни въ селцѣ и въ деревняхъ середніе земли 38 четвертей съ осминою, да худые земли четыре четверти, а вытей три выти. А сошнаго письма по сотной Юрья Сомсонова во владычныхъ селѣ и въ деревняхъ соха и полтретия сохи. А по отписи даннаго цѣловальника Мелиха Забѣлина дани и запросу и ямскихъ и приметныхъ денегъ и за городовое и за засѣчное и за ямчужное дѣло и за пошнные люди и соколя оброкъ и казначеевыхъ и дьячихъ и подьячихъ пошлинъ 7 рублей и 3 алтына и 3 денги, пищальныхъ 12 ал-

¹⁾ П. Савваитовъ, Строгановскіе вклады въ Сольвычегодскій Благовѣщенскій соборъ, стр. 83.

²⁾ Румянцевскій музей, рукописи Бѣляева, разрубъ № 168: „Лѣта 7090 сотникъ Ухтостровскіе волости Яковъ Васильевъ сынъ да пятидесяцкой Остаеѣ Ивановъ сынъ Игнатьева и десятицкие Борисъ Ѳоминъ да Мина Яковлевъ да Яковъ Селивановъ..... Пахомовъ да Тарасъ Ивановъ да Василей Яковлевъ и всѣ крестьяне Ухтостровскіе волости Богоявленскаго приходу и Троецкаго разрубили еся у себя въ Ухтостровскіе волости послу государскому Ѳедору Андреевичу да боярину Грязному Ивановичу въ кормъ и въ подводы и на ватаманы и на нѣмецкіе подноды на волостные верви и на церковныхъ половниковъ и на выходже по 4 денги съ верви; а на поповские и на дьяки и на пономари и на всѣ крыласы по 2 денги, а на пещковъ (? пешковъ) по двѣ денги съ рубля съ ихъ животныхъ. А брати денги сотнику Якову. А разрубной писалъ богоявленскій дьячокъ Пятышъ Прокофьевъ сынъ лѣта 7090 мѣсяца іюля въ 4 день“.

тынъ; а оброкъ съ того селца и съ деревень съ вытей платять владыкъ вологоцкому“ ¹⁾. Любопытно, что сотная выдана *крестьянамъ*, хотя въ составъ населенія половину составляютъ половники, а другую непашенные люди; половники, значить, не отличены отъ крестьянъ.

Позволимъ себѣ въ заключеніе отмѣтить нѣсколько подобныхъ фактовъ отъ начала XVII вѣка. Въ 1609 г. нѣкто Марко Кукшинъ пожертвовалъ въ домъ Срѣтенію Христову треть своего поля съ условіемъ „пахать та земля зятю его Кирилу исполу да половина хлѣба отдавати старостѣ церковному; а потугу давати съ тое земли старостѣ 12-я денга въ Кувшинову треть Демьяновскіе деревни. А отойдетъ та земля отъ Кирила, ино ему и потугу не класти: потугу класти тому, хто учнетъ половничать“ ²⁾. Здѣсь обязанность платить потугъ, то-есть, тягло, обозначена какъ-бы двойственно: она падаетъ и на церковнаго старосту, и на половника. Изъ данной ясно видно, что и половникъ не устраненъ отъ платежа потуга. Въ другомъ случаѣ это выражено еще яснѣе. Въ 1612 г. игуменъ Сефтренаго монастыря отдалъ свою деревню вкладомъ въ церковь Троицы Живоначальной и Благовѣщенія. До своей смерти онъ сохранилъ за собою право пользоваться деревнею, а послѣ смерти всю деревню распорядился раздѣлить на три части: треть старостѣ церковному и два жребья крылошанамъ и опредѣлилъ, что „потуги имъ платити государевы съ тое деревни по доходамъ—старостѣ церковному треть, а попу и крылошанамъ два жребья, кои учнутъ у тое церкви служить“. Значить отбываніе тягла возложено на представителей церкви соотвѣтственно получаемымъ доходамъ. Но вслѣдъ за этимъ вкладчикъ выговорилъ еще такое условіе: „А половничать по моей смерти игуменовъ та Федоршинская деревня братіямъ моимъ роднымъ пополамъ, кои похотять... а потуги государевы всякіе съ тое деревни половина же платитъ половникамъ по хлѣбу“ ³⁾. Значить, въ данномъ случаѣ

¹⁾ Грам. Колл. Экон., Усольскій у. № ²/₁₃₃₃₃; ср. тамъ-же, Хлыновскій у. № ⁶/₁₄₁₆₃; сотная Успенскому Вятскому монастырю 7099 г., гдѣ въ деревенскихъ дворахъ упоминаются только монастырскіе половники и пашня половничья положена въ выти; тамъ-же, Хлыновскій у. № ¹²/₁₄₁₇₅, л. 52—61: книги письма и дозору 7109 г. Вятскаго Успенскаго монастыря въ уѣздахъ Хлыновскомъ и Слободскомъ, въ деревняхъ различныхъ становъ почти исключительно половники, на которыхъ въ монастырской казнѣ хранятся записи, „а съ деревень и съ починковъ отъ половниковъ хлѣба идетъ треть“; пашня ихъ положена въ выти и сохи.

²⁾ Русская Историческая Библіотека, XIV, 204.

³⁾ Русская Историческая Библіотека, XIV, 216—218.

половникъ несесть на себѣ половину тягла; другая же лежитъ на отвѣтственности хозяина. Наконецъ, можно указать и для начала XVII вѣка сотныя выписи, аналогичныя вышеприведеннымъ. Напримѣръ, изъ книги письма и дозору 1620 г. видно, что во владѣніи Устюжской соборной церкви состояло въ разныхъ волостяхъ и станахъ Устюжскаго уѣзда 14 деревень, въ которыхъ было 26 дворовъ, „а во дворахъ богородицкихъ половниковъ“ 28 человекъ. Пашни въ живущемъ было „6 вытей съ четью и полчети и полполчети и полполполтрети выти“. По жалованнымъ грамотамъ прежнихъ государей и царя Михаила Ѳедоровича и по отписямъ прежнихъ лѣтъ „платять они съ тое Богородицкіе вотчины въ государеву казну въ Устюжскую четъ оброковъ и пошлинь и данныхъ и кормовыхъ денегъ“ 10 руб. 28 алт. 3 денги „кромя волостей“. „А кто нынѣ въ тѣхъ деревняхъ крестьянъ и которые впередъ учнутъ жити въ волости съ черными съ тяглыми людьми во всякіе ихъ проторы и разметы всякихъ податей“ не платять ¹⁾).

Приведенныхъ фактовъ, полагаемъ, достаточно для подтвержденія заключенія, что половники привлекаются къ отбыванію тягла въ однихъ случаяхъ наравнѣ съ крестьянами черныхъ волостей, въ другихъ—особо, „кромя волостей“. Эти послѣдніе случаи представляютъ лишь ту особенность, что вотчины или имѣнія, населенныя половниками, выдѣляются въ особый податный округъ, что нерѣдко обусловливалось или сопровождалось различными податными льготами. Но подобныя льготы, если только онѣ не влекли за собою полного обѣленія, не превращали еще населеніе привилегированныхъ мѣстностей изъ разряда тяглаго въ нетяглый.

На чемъ же основано господствующее въ литературѣ противоположное мнѣніе о томъ, что половники тягла не несутъ? Изъ вышеуказанныхъ мнѣній можно заключить о главнѣйшихъ основаніяхъ такого вывода. Самымъ важнымъ соображеніемъ въ его пользу является, повидимому, встрѣчающееся въ половничьихъ порядныхъ усло-

¹⁾ Грамоты Колл. Экономіи, Устюжскій уѣздъ № ¹²⁸/13256; ср. Русская Историческая Библіотека, XII, 155—159 и 227—230. См. еще тамъ-же, XIV, 924—932; сотная 1630 г. на вотчины Гledenскаго монастыря, изъ которой видно, что за монастыремъ состояло 10 деревень и въ нихъ 22 двора половничьихъ; „а вытей въ живущемъ 7 вытей съ полувытью, а сошного письма въ живущемъ соха безъ пол-пол-чети сохи... А государева оброку съ вытей и съ пошлинами, и съ сохъ дани и яскихъ и приметныхъ денегъ и всякихъ государевыхъ доходовъ“ 9 руб. 17 алт. 3 денги, съ выти по рублю по 9 алт“.

віе, по которому землевладѣлец обязывался платить всякіе государственные сборы „мимо половника“. Кромѣ такого прямого указанія, встрѣчающагося сравнительно рѣдко ¹⁾, во всѣхъ извѣстныхъ намъ половничьихъ порядныхъ ни разу не упомянуто объ обязательствѣ половника платить „всякія государевы подати“ сверхъ лежащихъ на немъ повинностей въ пользу землевладѣльца. Это простое умолчаніе приобрѣтаетъ значеніе положительнаго свидѣтельства при сопоставленіи съ показаніями вотчинниковъ, что съ своихъ деревень всякіе государскіе поборы платятъ они вотчинники „своими деньгами съ черными крестьяны виѣстѣ“ ²⁾.

Наконецъ, тотъ-же фактъ подтверждается и купчими на деревни, въ которыхъ жили половники. Въ такихъ купчихъ встрѣчаются условія о платежѣ податей исключительно продавцами или покупателями, а о половникахъ при этомъ не упоминается, хотя относительно ихъ имѣются спеціальныя условія о выдачѣ имъ изъ посѣяннаго хлѣба, объ отношеніяхъ ихъ къ новымъ вотчинникамъ и проч. Напримѣръ, въ 1601 г. старецъ Ефремъ Лыцовъ продалъ въ домъ Благовѣщенія и Николы Чудотворца церковному старостѣ четверть деревни съ насѣяннымъ хлѣбомъ; въ купчей между прочимъ сказано: „и продалъ еси язь безъ половника жеребья; а потянути мнѣ старостѣ подати, что ни разрубать въ волости, съ сякова дни, какъ ся купчая залегла, съ семи осминѣ“ ³⁾.

Итакъ, едва-ли можетъ подлежать сомнѣнію фактъ, что за половниковъ въ очень многихъ случаяхъ уплачиваютъ подати хозяева. Быть можетъ, такой порядокъ былъ господствующимъ. Но все же этотъ фактъ отнюдь, по нашему мнѣнію, не подтверждаетъ мнѣнія, что половники не входятъ въ составъ тяглаго населенія поморскихъ уѣздовъ.

Прежде, однако, оцѣнки этого факта при сопоставленіи его съ

¹⁾ Изъ 15-ти порядныхъ въ двухъ стоитъ такое условіе. Русская Историческая Библіотека, XII, 141 (1599): „А дань и оброкъ и всякіе государевы разметы ватаманскіе платитъ протопопу съ братьею мимо половника“; тамъ же, XIV, 356 (1628): „И въ тѣ срочные лѣта съ тое деревни мнѣ Василью не платити никакихъ государевыхъ податей“.

²⁾ См. выше стр. 13, примѣчанія 1 и 2.

³⁾ Грам. Колл. Экон., Устюжскій у. № 66/13194; ср. тамъ же № 101/13232 (1616): устюжане пасацкіе люди продають четверть деревни Отполицыны „и съ насѣяною рожью, окромѣ того, что доведетца половнику нашему Чернятку въ той ржѣ снати съ полей изполу“. Продавцы обязываются платить подати до Ильина дня и отвѣчаютъ за старыя невыплаты.

другими необходимо ознакомиться съ содержаніемъ крестьянскихъ порядныхъ поморскихъ уѣздовъ. Намъ извѣстны 32 такихъ порядныхъ на земли церквей и монастырей Холмогорскаго, Устюжскаго и Тотемскаго уѣздовъ отъ половины XVI до конца XVII вѣковъ ¹⁾.

¹⁾ Вотъ ихъ перечень:

- 1) 7052 іюня 26 Корельскаго монастыря (отпись), Русская Историческая Библиотека XIV, 37.
- 2) 7067, октября 15, порядная Коряжемскому монастырю, тамъ-же, XII, 129—130.
- 3) 7068, мая 5, порядная Спасской церкви, тамъ-же, XIV, 61.
- 4) 7080, іюня 10, то-же, XIV, 90—91.
- 5) 7081, мая 25, то-же, XIV, 91—92.
- 6) 7083, апрѣля 13, то-же, XIV, 92—93.
- 7) 7083, мая 6, то-же, XIV, 93—94.
- 8) 7087, мая 10, то-же, XIV, 94—96.
- 9) 7088, ноября 20, то-же, XIV, 96—97.
- 10) 7088, марта 23, то-же, XIV, 97—99.
- 11) 7090, декабря 6, то-же, XIV, 99—100.
- 12) 7091, ноября 26, то-же, XIV, 100—102.
- 13) 7098, декабря 15, то-же, XIV, 102—104.
- 14) 7098, апрѣля 2, то-же, XIV, 104—106.
- 15) 7098, апрѣля 6, то-же, XIV, 106—108.
- 16) 7098, апрѣля 6, то-же, XIV, 108—110.
- 17) 7098, апрѣля 6, то-же, XIV, 110—112.
- 18) 7098, апрѣля 7, то-же, XIV, 112—115.
- 19) 7100, апрѣля 16, то-же, XIV, 138.
- 20) 7149, апрѣля 21, порядная Никольскому Корельскому монастырю, Русская Историческая Библиотека, XIV, 385—386.
- 21) 7160, апрѣля 16, Спасской пустыни, тамъ-же, XIV, 409—411.
- 22) 7168, февраля 10, Спасской пустыни, тамъ-же, XIV, 428—431.
- 23) 7173, ноября 4, Богоявленской церкви, Румянцевскій музей, Бѣляев. собр. порядныхъ празг. № 1.
- 24) 7184, апрѣля 10, Прилуцкому монастырю, Русская Историческая Библиотека, XII, 457—459.
- 25) 7186, іюня 14, Корельскому монастырю (оброчная на рыбную ловлю), XIV, 446—447.
- 26) 7191, января 21, Никольской церкви, Румянцевскій музей, Бѣл. собр. порядн. празг. № 2.
- 27) 7195, августа 29, Прилуцкому монастырю, Русская Историческая Библиотека, XII, 893—894.
- 28) 7205, марта 17, то-же, XII, 1365—1367.
- 29) 7205, апрѣля 3, то-же, XII, 1378—1381.
- 30) 7206, февраля 6, Николаевской церкви, тамъ-же, XII, 116—120.
- 31) 7206, іюня 6, Прилуцкому монастырю, тамъ-же, XII, 1433—1434.
- 32) 7207, апрѣля 3, то-же, XII, 1466—1470.

За исключеніемъ трехъ, всѣ эти порядныя, какъ и половничьи, заключены на срокъ. Въ трехъ порядныхъ не находимъ никакого условія о срокѣ, но въ одной изъ нихъ стоитъ обязательство участка „впустѣ безъ жилья не покинуть“ ¹⁾. Въ одной изъ остальныхъ 29 порядныхъ срокъ установленъ пожизненный—„жити на деревнѣ до живота безъ выряду“ ²⁾; во всѣхъ прочихъ обязательство заключено на определенное число лѣтъ, хотя срокъ крайне разнообразенъ: отъ одного года до 30 лѣтъ. Можно, однако, отмѣтить, что въ порядныхъ болѣе раннихъ срокъ аренды короче, чѣмъ въ болѣе позднихъ. Въ 18 порядныхъ XVI вѣка срокъ не превышалъ 10 лѣтъ, а именно въ шести случаяхъ установленъ десятилѣтній, въ пяти—шестилѣтній и въ четырехъ—пятилѣтній срокъ (по одному случаю приходится на восьмилѣтній, трехлѣтній и годичный срокъ). Наоборотъ къ концу XVII вѣка срокъ аренды значительно возросъ. Въ семи порядныхъ послѣдней четверти XVII вѣка срокъ установленъ въ 20 (пять случаевъ), 30 (одинъ случай) и 10 лѣтъ (три случая), а въ одной изъ нихъ стоитъ обязательство—участка впустѣ безъ жилья не покинуть. Въ обезпеченіе условія о срокѣ въ большинствѣ порядныхъ стоитъ санкція въ троякой формѣ: въ видѣ простой неустойки ³⁾ или въ видѣ обязанности уплатить всѣ причитающіеся платежи ⁴⁾ за все время контракта, или, наконецъ, въ формѣ сложной изъ первыхъ двухъ видовъ ⁵⁾. На случай выхода въ установленный срокъ стоитъ правило о сдачѣ участка съ постройками и объ уплатѣ всякихъ условенныхъ сборовъ.

¹⁾ Русская Историческая Библіотека XIV, 409—411 и 428—431; XII, 457—459.

²⁾ Это условіе выговорилъ вкладчикъ деревни, въ чемъ и получилъ отписъ съ монастырскихъ властей. Русская Историческая Библіотека XIV, 37.

³⁾ Русская Историческая Библіотека XIV, 93: „недоживъ тѣхъ урочныхъ лѣтъ и выйдемъ вонъ, и на насъ... рубль денегъ“; ср. *ibid.*, 92, 95, 101; XII 894 (застава 30 р. за недоживку), 1367, 1381, 119, 1434, 1470.

⁴⁾ Русская Историческая Библіотека XIV, 97: „А не доживемъ мы тѣхъ урочныхъ лѣтъ на той деревни и пойдемъ вонъ изъ деревни и намъ дати по сей записе за урочные лѣта царя и великаго князя дань и оброкъ и службу и земскіе разметы да за хоромы дати 2 р. денегъ“. Ср. *ibid.*, 98, 100, 106, 108, 110, 112, 114.

⁵⁾ Русская Историческая Библіотека XII, 119: „А будетъ они (порядчики) на той деревни до срочныхъ лѣтъ не доживутъ и разрубовъ и празги не выплатятъ, или служебъ не учнутъ служить по мірскимъ выборамъ,... и на нихъ и на поручникахъ ихъ за недожилые годы... въ церковную казну взыти заряды 20 р. денегъ и земная невыпашка и дворовая непостройка и розрубная и празговая невыплата и по мірскимъ выборамъ службы всѣ“...

Сравненіе разсмотрѣнныхъ условій крестьянскихъ порядныхъ съ половничьими не указываетъ на какія либо существенныя между ними различія, за исключеніемъ развѣ того, что въ половничьихъ порядныхъ ни разу не пришлось намъ встрѣтить столь продолжительныхъ сроковъ аренды, какъ 20 и 30 лѣтъ. Но крестьянскія порядныя, въ противоположность половничьимъ, содержатъ подробныя обязательства объ уплатѣ порядчиками государственныхъ сборовъ и волостныхъ разметовъ, то-есть, объ отбываніи тягла въ той или иной формѣ. Это обязательство выражалось въ обычной формулѣ: „а потуги въ тѣ лѣта, государева дань и оброкъ, служба и всякіе разметы земскіе съ той деревни платити мнѣ“ ¹⁾; или: „и мнѣ съ того новытя всякіе великаго государя подати платити съ сосѣдми вмѣстѣ или съ міромъ врядъ по сотной писцовой книгѣ или по развыткѣ“ ²⁾. Рядомъ съ этимъ стоитъ обыкновенно и обязательство платити въ пользу землевладѣльца празгу или оброкъ. Подобнаго обязательства вовсе не содержится въ изданныхъ половничьихъ порядныхъ, и это обстоятельство, можно думать, послужило новымъ подтвержденіемъ мысли о нетягомъ характерѣ половниковъ въ отличіе отъ крестьянъ-порядчиковъ, какъ тяглыхъ людей. И дѣйствительно указанное различіе прежде всего бросается въ глаза при сравненіи крестьянскихъ и половничьихъ порядныхъ. Полагаемъ, что это видимое различіе и побудило изслѣдователей подыскать для него какое нибудь объясненіе. Но прежде чѣмъ вывести то или иное заключеніе изъ этого сопоставленія, слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что въ семи крестьянскихъ порядныхъ изъ числа 32 мы вовсе не встрѣчаемъ обязательства объ уплатѣ государственныхъ податей. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ (четырехъ) этотъ вопросъ обходится полнымъ молчаніемъ, такъ что приходится лишь догадываться о причинахъ, вызвавшихъ уклоненія отъ общаго порядка ³⁾; въ другихъ, наоборотъ, ясно

¹⁾ Или: „и въ тѣ урочные лѣта съ тое деревни государевы подати, дань и оброкъ, и служба и всякіе становые разрубъ съ крестьяны Спасскаго станку платити намъ“, Русская Историческая Библіотека XIV, 101 и 109; таковы всѣ порядныя Спасской церкви XVI вѣка.

²⁾ Таковы порядныя Прилуцкому монастырю, Русская Историческая Библіотека XII, 458, 1366, 1380, 1468. Въ одной порядной сказано: „А что государскихъ стрѣleckихъ податныхъ и ямскихъ денегъ доведетца съ того новытя платити почему на годъ, и тѣ денги платити ему по разчету съ ихъ монастырскими крестьяны врядъ“, *ibid.*, 894.

³⁾ Русская Историческая Библіотека XIV, 37: по отписи игумена вкладчикъ

сказано, что порядчики государевых податей не платятъ, а взаѣмнѣ того уплачиваютъ монастырю или церкви оброкъ (празгу). Такъ порядчикъ Вотолы въ 1558 году взялъ на 3 года на оброкъ деревню Конашевскую у Коряжмскаго монастыря съ обязательствомъ платить въ первый годъ полтину, а за два года два рубля денегъ; въ порядной сказано: „а тотъ оброкъ даю за дани и за проторы всякіе волостные и за царевъ государевъ оброкъ“. Въ 1589 году спасскій церковный приказчикъ порядилъ княжостровца Семена Глубокаго на пустую церковную деревню на 10 лѣтъ; они условились: „Спасу въ домъ и за всѣ государевы подати давати ему Семену съ тое деревни въ пять лѣтъ по полутора рубля на годъ да спасскому приказщику за боранъ по гривнѣ, а въ другіе пять лѣтъ давати мнѣ на годъ по рублю и по двадцати алтынъ да старостѣ за боранъ по гривнѣ. А государевы подати съ тое деревни платити мнѣ спасскому приказщику казенными денгами“. Наконецъ, въ 1595 году двое крестьянъ взяли на оброкъ у спасскаго приказчика на 6 лѣтъ поле на Коневѣ островѣ и обязались „оброку давати Спасу въ домъ отъ того поля на церковное строеніе на всякой годъ по 12 алтынъ да спасскому приказщику за боранъ по алтыну; а государевыхъ податей намъ съ того поля въ тѣ срочные лѣта ни дани, ни оброку, никоторыхъ земскихъ розметовъ ни платити“ ¹⁾.

Эти послѣдніе случаи представляются особенно любопытными. Они доказываютъ, что, по частному соглашенію землевладѣльцевъ съ порядчиками, послѣдніе могутъ быть избавлены отъ тягла, отвѣтственность за которое принимаетъ на себя землевладѣлецъ. Конечно, соотвѣтственно этому возрастаетъ оброкъ порядчика. Значитъ въ этихъ случаяхъ крестьяне порядчики оказывались, по отношенію къ тяглу, въ положеніи совершенно сходномъ съ положеніемъ половниковъ, но перечислялись-ли они, только въ силу этого условія, въ разрядъ не-тяглыхъ людей? Полагаемъ, что частное условіе, которое всегда можно было и измѣнить, не могло играть рѣшающаго значенія въ

обязуется платить лишь празгу въ монастырь съ правомъ жить въ деревнѣ безъ вырѣда; *ibid.*, 385—386: порядчикъ садится на деревню въ 1½ веревки, гдѣ жилъ прежде его отецъ, на 10 лѣтъ съ обязательствомъ платить празгу въ 45 алтынъ; *ibid.*, 409—411 и 428—431: въ обоихъ случаяхъ отдаются на порядъ починки съ обязательствомъ распахивать лѣсъ, „сколько сила сяжетъ“, и здѣсь дѣлать на пустынь противъ иныхъ починковъ по 8 дней на годъ“; пови-
дому, съ починковъ никакого тягла не отбывалось.

¹⁾ Русская Историческая Гибліотека XII; 129—130; XIV, 102—104 и 138.

такомъ вопросѣ. Лучшимъ подтвержденіемъ этого является судьба тѣхъ же половниковъ.

Писатели, настаивающіе на нетяглоу характерѣ половниковъ, сопровождаютъ это утвержденіе оговоркой (за исключеніемъ г-жи Ефименки), что съ половины XVII вѣка половники превращаются въ тяглыхъ людей ¹⁾. Но что же произвело такую существенную перемену въ положеніи половниковъ? Авторы не даютъ согласнаго отвѣта на этотъ вопросъ, остающійся открытымъ. Для насъ, однако, любопытенъ не этотъ вопросъ, въ своевременности котораго можно усомниться, а признанный фактъ, что во второй половинѣ XVII вѣка половники являются тяглыми людьми. Цѣлый рядъ прямыхъ указаній ставитъ указанный выводъ внѣ спора. Отметимъ главнѣйшія изъ нихъ.

Въ 1651 году состоялось распоряженіе московскаго правительства объ отпискѣ у монастырей, церквей и торговыхъ людей на государя купленныхъ и закладныхъ деревень въ черныхъ тяглыхъ волостяхъ ²⁾. Это распоряженіе, повидимому, вовсе не было приведено въ исполненіе. По крайней мѣрѣ, само правительство въ слѣдующемъ же году, по челобитьямъ заинтересованныхъ, допустило рядъ исключеній изъ этого правила. Такъ, монастырямъ Ивановскому и Троицкому Гledenскому, по грамотѣ 1652 года января 16-го, разрѣшено и впредь владѣть деревнями по купчимъ и закладнымъ подъ слѣдующимъ, однако, условіемъ: „Наши четвертные данные и оброчные, и стрѣleckіе, и ямскіе наши денежныя доходы во всякіе поборы по розводу съ ихъ купленныхъ и закладныхъ деревень велѣлъ имъ платить съ черными съ тяглыми волостями по прежнему, и за пустоту, которая пустота нынѣ и впредь либо будетъ, велѣлъ съ тѣхъ купленныхъ и закладныхъ деревень въ наши во всякіе доходы денги по окладу платить сполна, по вытнымъ и по сошнымъ ихъ розводамъ съ чернослободцами тяглыми людьми врядъ, сколько по розводу на ихъ деревни доведетца, чтобы въ нашихъ данныхъ и въ оброчныхъ денгахъ и во всякихъ нашихъ податяхъ никто въ избылыхъ не былъ и недобору и убыли никакіе не было, и всякіе наши службы половникомъ ихъ и крестьяномъ служить съ волосными крестьяны врядъ, по вытно и по очередямъ, по выбору мірскихъ тяглыхъ людей“ ³⁾. Хотя здѣсь рѣчь идетъ о крестьянахъ и половникахъ, но

¹⁾ См. выше стр. 17, примѣчанія 1 и 2.

²⁾ Русская Историческая Библіотека XII, 261, 910 и 932.

³⁾ См. стр. 13, примѣчаніе 1.

изъ челобитья монастырскихъ властей ясно видно, что за ними крестьянъ вовсе нѣтъ, а всѣ ихъ деревни пахутъ исключительно половники. Это распоряженіе было подтверждено и въ 1663 году, по поводу запрещенія выкупать у Гledenскаго монастыря проданныя и закладныя, но просроченныя деревни ¹⁾. Вслѣдъ за вышеприведеннымъ указомъ 1652 года января 16-го, въ томъ же году юня 18-го данъ указъ о возвращеніи устюжанамъ посадскимъ людямъ купленныхъ и закладныхъ деревень подъ тѣмъ же условіемъ, чтобъ „четвертные денежные доходы и стрѣлцкія деньги, и въ мірскіе разметы по мірскимъ разрубкамъ и спискамъ съ своихъ купленныхъ и закладныхъ деревень (платить имъ сполна) и всякія службы *половникамъ* ихъ и крестьянамъ служить съ волостными крестьяны въ рядъ“ ²⁾.

Въ 1656—1657 году послѣ смерти гостя Кирилла и брата его гостинной сотни Василья Босыхъ и Никифора Ревякина велѣно было вотчины ихъ въ Устюжскомъ уѣздѣ отписать на государя, „а половникомъ ихъ въ тѣхъ ихъ вотчинахъ велѣно жить по прежнему и всякіе наши великаго государя службы служить и подати платить съ мірскими людьми рядъ“ ³⁾.

Въ 1678 г. по указу патріарха велѣно было собрать на жалованье ратнымъ людямъ съ монастырскихъ вотчинъ по полтинѣ съ двора. Это распоряженіе было примѣнено къ устюжскимъ и къ усольскимъ монастырямъ ⁴⁾. Но монастырскія власти обратились къ патріарху съ заявленіемъ, что взыскивать съ нихъ такой сборъ по примѣру „жалованныхъ верховскихъ монастырей“ отнюдь не слѣдуетъ,

¹⁾ Русская Историческая Библіотека XII, 372—373: „На выкупъ тѣхъ просроченныхъ деревень отдавать и на сторону продавать и закладывать не велѣли, и наши великаго государя четвертные денежные доходы велѣли имъ игумену Оеонасю съ братьекъ платить и наши службы *половникомъ* ихъ и крестьяномъ служить съ волостными крестьяны рядъ“.

²⁾ П. С. С. I № 79. Текстъ этого указа, по видимому, гораздо точнѣе воспроизводится изъ сенатскаго указа 1810 г. августа 4 въ статьяхъ К. Попова и неизвѣстнаго автора въ Вологодскомъ сборникѣ т. II, стр. 91 и 101. На основаніи этого указа послѣдній авторъ полагаетъ, что „денежныя подати несли владѣльцы, а натуральныя повинности половники“. Но такого раздѣленія тяглыхъ обязанностей московское право не знаетъ.

³⁾ Русская Историческая Библіотека XII, 391.

⁴⁾ Архангельскому, Троицкому Гledenскому, Ивановскому, Прилуцкому, Телегову, Соловецкой пустыни, Соли Вычегодской Введенскому, Коряжемскому, Ратмеровскаго монастыря Устьнедумской пустыни.

такъ какъ „у нихъ де въ монастырскихъ вотчинахъ жаловальныхъ даныхъ крестьянъ нѣтъ и не бывало, а въ монастырскихъ ихъ вотчинахъ живутъ *тяглые половники*, а по писцовымъ книгамъ всякіе платежи и четвертные доходы платятъ они и службы служатъ съ устюжаны и съ усолцы съ посадскими и съ волостными и съ черными людьми вмѣстѣ“. Сославшись на то, что и въ 1671 г. ихъ вотчины были освобождены отъ подобныхъ сборовъ, власти просили ихъ пожаловать „не велѣть прежнихъ великаго государя грамоты и писцовыхъ книгъ нарушить, и верховскихъ жаловальныхъ монастырей съ вотчинами ихъ монастырскихъ вотчинъ *тяглыхъ черныхъ половниковъ* сверстать, чтобы съ ихъ монастырскихъ вотчинъ платежъ былъ не вдвое, и отъ того бѣ лишняго тягла половникомъ врозь не разбрестися“. Патриархъ отмѣнилъ сборъ полтинныхъ денегъ со всѣхъ упомянутыхъ монастырей, такъ какъ „тѣ ихъ крестьяне и бобыли въ вытномъ и въ сошномъ писемѣ написаны и великаго государя всякіе подати платятъ съ государевыми съ черными волостями“¹⁾.

Совершенно аналогичный случай произошелъ съ Устюжской соборной церковью. Въ 1680 г. велѣно было въ Устюгѣ на посадѣ и въ уѣздѣ переписать всѣхъ людей, которые „въ тяглѣ не написаны и въ государеву казну тягла и всякихъ податей не платятъ“ и половину изъ нихъ выслать въ солдатскую службу. Протопопъ съ братією подали на переписчиковъ жалобу, такъ какъ они „пишутъ въ Богородицкихъ церковныхъ деревняхъ половниковъ ихъ, которые падутъ тѣ Богородицкія деревни“, тогда какъ по государевымъ грамотамъ тѣхъ половниковъ въ солдатской строй брать не велѣно, да и они власти „съ тѣхъ деревень въ великаго государя казну данные и оброчные денги и съ половническихъ дворовъ полтинные и полуполтинные денги платятъ безпереводно“. Велѣдствіе этого грамотой 1681 г. марта 6-го воеводѣ предписано: „вы бѣ Устюга Великаго соборной церкви Успенія Пречистыя Богородицы половниковъ и бобылей, *буде тѣ половники и бобыли тяглые люди*, и подати съ нихъ въ нашу казну протопопъ съ братією платятъ по вся годы

---

¹⁾ Русск. Ист. Библ., XII, 505—512. Повидимому, на основаніи этой грамоты Н. Н. Милюковъ сдѣлалъ заключеніе, что половники, сдѣлавшись тяглыми, стали дѣлиться на крестьянъ и бобылей. Это, однако, простое недоразумѣніе. Такъ называть половниковъ патриархъ Адрианъ, какъ въ другихъ случаяхъ называло ихъ крестьянами московское правительство. Половники на крестьянъ и бобылей никогда не дѣлились.

и напредь сего, какъ были переписаны, и ихъ нынѣ переписывать и волочить и убытчить ни въ чемъ не велѣли“ 1).

Съ 1658 г. возникаетъ особая вятская епископія. Архіерейскому дому отведены были на его содержаніе земли оброчныя, приписанъ котельничскій Предтеченскій монастырь и затѣмъ соборная церковь Николая Чудотворца съ ихъ вотчинами. Населеніе послѣднихъ однако весьма неохотно мирилось съ своимъ новымъ положеніемъ и добивалось зачисленія въ черные тяглые станы. Это дѣло, довольно долго тянувшееся, закончилось въ 1670 г., но возникло вновь при епископѣ Іонѣ, преемникѣ архіепископа Александра, и на этотъ разъ окончательно рѣшено въ 1681 г. Въ грамотахъ 1670 и 1681 гг., совершенно аналогичныхъ, предписано „крестьянамъ и бобылямъ, и половникомъ“ вятскому епископу „во всемъ послушнымъ быть и всякіе подати и оброки платить и ему ими владѣть и поборы съ нихъ всякіе и столовые запасы имать по его разсмотрѣнью“, „а великаго государя всякіе подати и оброки и всякіе доходы съ тѣхъ крестьянъ и бобылей и половниковъ имать по прежнему, по чему съ нихъ прежь сего имано“ 2).

Наконецъ, когда по указамъ 1680 и 1682 годовъ велѣно было со всѣхъ городовъ, съ посадовъ и уѣздовъ за данныя, оброчныя и стрѣлцкія деньги и за иные мелкіе доходы собирать московскимъ стрѣльцамъ на жалованье по переписнымъ книгамъ съ двороваго числа указною статьею, то этотъ сборъ былъ распространенъ и на половничьи дворы, и всѣ хозяева-вотчинники противъ этого не возражали и не спорили. Шелъ споръ лишь о томъ, какимъ порядкомъ вотчинники должны были оплачивать эти новые сборы—„особъ статьею“, „кромѣ волостныхъ крестьянъ“, или же „быть платежемъ вмѣстѣ съ крестьянскими деревнями“ и въ стрѣлцкихъ деньгахъ верстаться съ крестьянами. Ясно, что первый порядокъ былъ выгоднѣе для вотчинниковъ, и они добивались его санкціи; тогда какъ волостные крестьяне ходатайствовали о признаніи втораго. Этотъ довольно продолжительный споръ былъ рѣшенъ въ томъ смыслѣ, что съ вотчинъ и съ ста-

1) *Румовскій*, Описаніе Велико-Устюжскаго собора, Приложение № XIII. Богородицкія деревни тяглою были описаны отъ черныхъ волостей, ср. *ibid.*, № XII и выше стр. 20, прим.; Русск. Ист. Библ. XII, 518 (1679).

2) Д. къ А. И. VI, № 14; Древніе акты Вятскаго края, № 133; *Никитинъ*, Иерархія Вятской епархіи, 109—110, 114—115 и 121; А. *Спицынъ*, Земля и люди на Вяткѣ въ XVII столѣтіи, 37—44.

ринныхъ половничьихъ дворовъ, оказавшихся во владѣніи монастырей по старымъ писцовымъ книгамъ 134 года, платить денежные доходы и подати особо отъ волостныхъ крестьянъ и служебъ съ крестьянами съ тѣхъ вотчинъ не служить; а съ новоприбылыхъ монастырскихъ половничьихъ дворовъ, какіе оказались за монастырями вновь послѣ 134 года, „всякіе доходы и мірскіе подати велѣно платить и службы служить по прежнему съ уѣздными крестьяны врьдъ, верстаясь по сошному и вытному тяглу и по деревенскимъ всякимъ угодыамъ и по дворовому числу“¹⁾.

Приведенные факты, кажется, не оставляютъ никакихъ сомнѣній въ тяглоу характерѣ половниковъ. Какъ на тяглыхъ смотреть на нихъ правительство; также ихъ называютъ и сами хозяева-вотчинники. Несомнѣнно, что эти факты заставили и вышеназванныхъ изслѣдователей признать половниковъ тяглыми хотя бы со второй половины XVII вѣка. Но что же такое произошло въ половинѣ этого вѣка, что такъ серьезно повліяло на положеніе половниковъ? Мотивированнаго отвѣта на этотъ вопросъ поименованные авторы не даютъ. Мы же полагаемъ, что его и дать нельзя, такъ какъ никакой юридической перемѣны въ положеніи половниковъ съ половины XVII вѣка нельзя подмѣтить. Выше приведенъ рядъ фактовъ, указывающій на тяглый характеръ половниковъ съ половины XVI до первой четверти XVII вѣка. Въ дополненіе къ нимъ можно отмѣтить и еще одинъ фактъ конца первой половины XVII вѣка. По переписнымъ книгамъ 1646 года въ Устюжскомъ уѣздѣ „въ митропольѣ стану и въ монастырехъ и въ монастырскихъ и гостей и гостиной сотни и устюжанъ торговыхъ людей въ вотчинахъ и въ разныхъ станѣхъ и въ волостяхъ крестьянскихъ и бобыльскихъ и половничьихъ и всякихъ дворовъ 8630, а митрополю стану крестьяне и монастыри и монастырскіе крестьяне-жъ и половники и гостей и гостиной сотни и устюжанъ торговыхъ людей въ вотчинахъ половники-жъ платятъ всякіе государевы четвертные денежные доходы и стрѣлетцкіе денги и въ мірскіе поборы съ черными волосми врьдъ“²⁾.

Правда, выше было также указано, что имѣются, повидимому, нѣкоторыя данныя въ подтвержденіе мысли, что половники тягла не несутъ. Объ этомъ можно бы заключить, во первыхъ, на ос-

¹⁾ Д. къ А. II, X, № 34; Русск. Ист. Библ., XII, 1046—1065 и 1188—1215; *Румовскій*, Описаніе Велико-Устюжскаго собора, приложение № XIV.

²⁾ А. Ю. Б., III, № 315.

нованіи половничьихъ порядныхъ, въ которыхъ или вовсе не содержится никакихъ обязательствъ объ уплатѣ тягла, или же (въ рѣдкихъ случаяхъ) стоитъ условіе объ уплатѣ податей мимо половника самимъ хозяиномъ; въ другихъ, на основаніи прямыхъ свидѣтельствъ самихъ вотчинниковъ, что всякіе государственные сборы они уплачиваютъ собственными деньгами. Но этотъ порядокъ ни въ чемъ не измѣнился и во второй половинѣ XVII вѣка. Изъ 15-ти половничьихъ порядныхъ 7 относятся ко времени съ 1650 по 1695 годъ и ни въ одной изъ нихъ нѣтъ и намека на тяглый характеръ половниковъ; онѣ по прежнему перечисляютъ лишь обязательства половника къ хозяину въ обычной ихъ формѣ ¹⁾. Въмѣстѣ съ тѣмъ и во второй половинѣ XVII вѣка подати за половниковъ уплачиваютъ по прежнему хозяева своими деньгами. Кромѣ отмѣченныхъ уже выше фактовъ этого рода ²⁾ можно привести цѣлый рядъ другихъ. Ограничимся наиболѣе любопытными.

Въ наказахъ церковнымъ старостамъ объ ихъ обязанностяхъ упоминается и о томъ, что они должны „половниковъ рядить съ мірскаго совѣту“, „надъ половниками смотреть и симяна давать“; но рядомъ съ этимъ стоитъ предписаніе: „а подать изъ казны платить съ казенныхъ деревень и въ томъ имать отписи“ ³⁾. Когда въ 1687 году всѣ монастыри и церкви Сольвычегодскаго уѣзда обратились къ архіепископу устюжскому съ просьбой о неприравненіи ихъ къ бѣлымъ верховскимъ монастырямъ и церквамъ, такъ какъ за ними живутъ „половничьики наши волные погодно, а не вѣчные крестьяне“—они отмѣтили въ своемъ челобитьи, что „съ тѣхъ своихъ *тяглыхъ черныхъ половничьихъ* дворишковъ мы богомольцы и церковные старосты платимъ по вся годы государскіе стрѣлетцкіе денги и ямскіе и на всякіе земскіе издержки съ мірскими черными людьми врядъ, по ихъ мірскимъ непомѣрнымъ болшимъ окладамъ, и службы поочередно съ ними крестьяны служимъ“ ⁴⁾.

¹⁾ П. Н. Милюковъ самъ констатируетъ, что „условія половническихъ порядныхъ остаются въ концѣ XVII вѣка совершенно тѣми же, какими были въ концѣ XVI вѣка“.

²⁾ См. выше стр. 13, примѣчаніе 1; стр. 28, прим. 3; стр. 29, прим. 1; стр. 31, прим. 1.

³⁾ Русская Историческая Библіотека, XII, 829 (1686); ср. тамъ-же, 602—604 (1683).

⁴⁾ Русская Историческая Библіотека, XII, 836. Этотъ фактъ совершенно устраняетъ и недоразумѣніе А. А. Спицына, который полагалъ, что „половники очень проиграли со времени наложенія подворной подати, такъ какъ стали те-

Эта практика была хорошо известна московскому правительству и исполнѣ имъ усвоена: отвѣтъственность за половниковъ во всякаго рода сборахъ оно возлагало на хозяевъ вотчинниковъ. Нагляднымъ подтвержденіемъ только что сказаннаго является любопытное дѣло о передачѣ крестьяниномъ Ивашкой Ожеговымъ въ Соловецкій монастырь церкви Спаса на Красномъ-Бору съ прикупными деревнями. Изъ-за этихъ церковныхъ деревень возникъ споръ между Ожеговымъ и устюжскимъ всеуѣзднымъ земскимъ старостой въ 1676 году. Но въ маѣ 1679 года Ивашко Ожеговъ съ братьями тою вотчиною и землями со всякимъ церковнымъ строеніемъ поступились въ Соловецкій монастырь за просроченный долгъ въ 300 рублей. Эта сдѣлка была утверждена московскимъ правительствомъ, и въ грамотѣ 1679 года декабря 19-го на имя устюжскаго воеводы сообщено, что означенной церковью съ деревнями велѣно было владѣть Соловецкаго монастыря властямъ, „а которые половники живутъ въ тѣхъ деревняхъ, а похотятъ жить и нынѣ на той же землѣ, и за тѣхъ половниковъ въ нашу великаго государя казну всякіе денежные доходы велѣли платить изъ Соловецкаго монастыря по вся годы сполна безъ доимки, по чему тѣ половники тягла платили напередъ сего, и въ томъ платежѣ Соловецкаго монастыря по строителѣ старцѣ Иринархѣ въ приказъ Устюжскіе чети поручная записъ взята, а въ Соловецкой монастырь съ той земли платить половникомъ оброкъ по договору, а службы служить имъ съ волостными крестьяны вмѣстѣ по очереди, чтобы отъ того волостнымъ крестьянамъ налоговъ, никакихъ убытковъ и обидъ не было“ ¹⁾.

Итакъ, тѣ самые порядки и отношенія, которые приводились въ доказательство нетяглаго характера половниковъ до половины XVII вѣка, какъ оказывается, исполнѣ мирятся и живутъ рядомъ съ тяглымъ ихъ положеніемъ во второй половинѣ XVII вѣка совершенно такъ же, какъ и раньше.

Въ половинѣ XVII вѣка дѣйствительно положено было начало реформѣ, которая примѣнена была ко всему тяглому населенію Московскаго государства, въ томъ числѣ и къ половникамъ: мы разу-

---

перь платить и хозяину за землю и кромѣ того отдѣльно съ каждаго своего двора въ казну, тогда какъ оброчные и тяглые крестьяне платили только съ двороваго числа“. Оброчныя земли на Вяткѣ, стр. 35.

¹⁾ *Досицкій*, Описаніе Соловецкаго монастыря, ч. III, 161—170; Русская Историческая Библіотека, XIV, 1153—1226.

мѣмъ перемѣну взиманія тяглыхъ сборовъ, которые съ сошнаго письма перенесены были на дворовое число. Эта реформа завершилась введеніемъ стрѣлцкой подворной подати взаменъ прежнихъ различныхъ сборовъ. Въ переписныя книги половничьи дворы вносились наравнѣ съ крестьянскими и далеко не всегда отдѣлялись отъ нихъ въ общихъ итогахъ. Но писались ли половничьи дворы особо или вмѣстѣ съ крестьянскими, они всегда считались тяглыми дворами. Тѣ же самые порядки однако наблюдаются и при взиманіи тягла съ сошнаго и вытнаго письма. Въ цѣломъ рядѣ случаевъ встрѣчаются указанія, что земля, на которой жили половники, считалась тяглою. Такъ въ 1634 году власти Гledenскаго монастыря ходатайствовали объ освобожденіи ихъ отъ специальныхъ сборовъ съ монастырскихъ вотчинъ, такъ какъ „истаре де платять они съ своихъ монастырскихъ вотчинъ данные и оброчные денги, и московскіе и стрѣлцкіе кормы, и сибирскіе запасы, и ямскіе отпуски и всякіе мірскіе подати по сотнымъ грамотамъ съ сотными людьми вмѣстѣ; а пашуть де тѣ ихъ вотчины изполу половники по уговору“. По справкѣ въ Устюжской чети дѣйствительно подтвердилось, что съ монастырскихъ вотчинъ Устюжскаго, Сольвычегодекаго и Тотемскаго уѣздовъ „зъ живущихъ чети всякіе государевы подати иманы съ волосными крестьяны вмѣстѣ“ ¹⁾. Въ 1637 году власти монастырей Гledenскаго, Телегова и Прилуцкаго вновь подтверждаютъ, „что у нихъ монастырскихъ вотчинъ и церковныхъ земель нетяглыхъ нѣтъ; а которая де четвертная пашня есть, и съ тое четвертные пашни платять они данные и оброчные денги и стрѣлцкіе и сибирскіе запасы и ямскіе денги съ сотными людьми вмѣстѣ; а пашуть де у нихъ тѣ монастырскіе земли изполу половники и наемные люди, а монастырскихъ крестьянъ и бобылей нѣтъ“. Это заявленіе вновь было провѣрено и оказалось, что „Устюжской чети городовъ въ писцовыхъ книгахъ монастырскихъ вотчинъ и церковныхъ земель четвертная пашня съ государевыми черными деревнями вмѣстѣ, а не особо, потому что за монастыри въ вотчинахъ нашихъ черныхъ волостей деревни тяглые“ ²⁾. Съ совершенно подобными заявленіями монастырскихъ властей Устюжской епархіи встрѣчаемся и въ 1661 году ³⁾. Наконецъ, почти тѣми же словами характеризуетъ хозяйственное положеніе Черногорской пустыни Двинскаго

¹⁾ Русская Историческая Библіотека, XII, 198.

²⁾ Тамъ-же, 200—202.

³⁾ Тамъ-же, 331—334; см. выше стр. 13, примѣчаніе 1.

уѣзда ея игумень въ 1676 году: „а пашня и сѣнные покосы на оброкѣ и въ черныхъ сохахъ, и тое пашню пашемъ наемными людьми и собою и тѣмъ питаемся; а съ той пашенной земли въ великаго государя казну платимъ всякіе денежные доходы съ міромъ вмѣстѣ по одному окладу, а съ оброчныхъ мѣстъ платимъ оброкъ; а нетяглыхъ пашенныхъ земель и сѣнныхъ покосовъ, и рыбныхъ ловель, и вотчинныхъ крестьянъ и бобылей, а никакихъ угодій въ пустыни нѣтъ ¹⁾).

Если безспорнымъ является фактъ, что половничьи дворы считались тяглыми, то едва ли можетъ подлежать сомнѣнію и то, что половники жили изподу на тяглой землѣ. Вышеприведенныя сотныя выписи служатъ тому безспорнымъ подтвержденіемъ ²⁾. Въ виду этого мы не можемъ присоединиться къ мнѣнію г-жи Ефименки, будто половники и третники сидѣли только на оброчной землѣ, а на тяглой лишь по исключенію, на обособленныхъ кускахъ, не составлявшихъ особой деревни или доли ея, и что на тяглой землѣ, въ виду тяжести государственныхъ и общественныхъ повинностей, вѣроятно, не было возможности сидѣть изъ доли ³⁾. Половники, конечно, могли садиться и на оброчной землѣ ⁴⁾, но и въ этомъ они не отличались отъ крестьянъ порядчиковъ.

Но если половники принимали участіе въ отбываніи тягла, жили на тяглой землѣ и въ тяглыхъ дворахъ, то въ чемъ же отличіе ихъ отъ крестьянъ порядчиковъ? Юридическаго различія въ ихъ положеніи мы и не можемъ указать. Тѣ и другіе составляли одну общую группу мелкихъ срочныхъ арендаторовъ, снимающихъ участки земли у владѣльцевъ чернотяглыхъ вотчинъ поморскихъ уѣздовъ: монастырей, церквей и частныхъ лицъ. За пользованіе землей тѣ и другіе обязаны уплачивать сборы и отбывать повинности въ пользу землевладѣльцевъ. Специальное условіе крестьянскихъ порядныхъ—платить всякіе государственные сборы по мірской раскладкѣ, не встрѣчающееся въ порядныхъ половничьихъ, вовсе не обособляетъ крестьянъ, какъ полагали, въ группу тяглыхъ людей, такъ какъ съ участковъ земли и съ дворовъ, занятыхъ половниками, также уплачивались всѣ

¹⁾ Русская Историческая Библіотека, XIV, 442.

²⁾ См. выше стр. 21, примѣчаніе 1 и стр. 22, примѣчаніе 1.

³⁾ См. выше стр. 16.

⁴⁾ Въ Хлыновской переписной книгѣ 1678 г. въ Котельничскомъ оброчномъ стану упоминаются половники у крестьянъ, „прежъ сего жили въ оброчномъ же стану по половьямъ“.

государственные сборы. Правда, за половниковъ уплачиваютъ всѣ сборы сами землевладѣльцы; но они же, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, уплачиваютъ тягло и за крестьянъ, какъ показано выше (см. выше стр. 25), и вообще отвѣтствуютъ за исправность отбыванія тягла ихъ крестьянами порядчиками, такъ какъ послѣдніе точно также ничѣмъ не были связаны съ арендуемыми участками и своими хозяевами, кромѣ срока своей порядной и условій о платежѣ перечисленныхъ въ порядной сборовъ. Эта податная отвѣтственность, отнюдь не составляющая особенности данного края, была необходимымъ слѣдствіемъ срочности крестьянскихъ порядныхъ и въ дѣйствительности привела къ тому, что въ обычномъ порядкѣ всѣ государственные сборы уплачивали за своихъ крестьянъ сами землевладѣльцы, возмѣщая затѣмъ расходы этого рода сборами съ крестьянъ согласно условіямъ порядныхъ. Прямые указанія на такой порядокъ сохранились и для данного района. Такъ архіепископъ устюжскій Александръ, которому пожалованъ былъ въ 1684 году въ вотчину бывший митрополій станъ, село Благовѣщенское съ деревнями, въ количествѣ 124 дворовъ, завелъ въ вотчинѣ „всякое деревенское многое строеніе, и земли изнавозилъ, и *крестьянъ* ссужалъ денгами и хлѣбомъ и скотомъ и платилъ всякіе государскіе денежные доходы, стрѣleckіе денги на Москвѣ, а ямскіе денги на Устюгѣ со всѣхъ со 124 дворовъ съ уѣздными крестьяны врьдъ“ ¹⁾.

Но отрицая всякое юридическое различіе въ положеніи половниковъ и крестьянъ-порядчиковъ, мы вмѣстѣ съ тѣмъ должны отмѣтить особенности экономического и хозяйственнаго положенія тѣхъ и другихъ. Различіе въ этомъ смыслѣ между крестьянами и половниками засвидѣтельствовано совершенно ясными указаніями памятниковъ. Краткость этихъ указаній позволяетъ сдѣлать лишь заключеніе, что положеніе половниковъ было хуже положенія крестьянъ, что лишь тяжелая нужда заставляла мѣнять крестьянское хозяйство на половническую аренду. Наоборотъ, для землевладѣльцевъ половническая аренда представлялась, повидимому, болѣе удобной и желательной въ сравненіи съ крестьянской. Вотъ эти свидѣтельства.

Въ царской грамотѣ чердынскому воеводѣ 1621 года марта 19-го приводится челобитіе крестьянъ двухъ приходоу Чердынскаго уѣзда по поводу неправильнаго распредѣленія тягла между сохами, и въ этомъ челобитіи между прочимъ отмѣченъ слѣдующій фактъ: „ихъ де

¹⁾ Русская Историческая Библіотека, XII, 934—935.

Косинскія и Гаенскія сошки у крестьянъ Верхуролскія деревни Никита Строгоновъ поотнималъ половину вотчины, и съ хлѣбомъ и съ сѣбными покосы, прежъ сошныя росписки лѣтъ за десять, и тѣ крестьяне за великую нужу и нынѣ на тѣхъ вотчинахъ у нихъ половничаютъ¹⁾. Въ 1672 году крестьяне вотчины архіепископа Вологодскаго и Бѣлозерскаго подали жалобу на бывшаго приказчика Григорья Суворова и на сына боярскаго Семена Наумова, обвиняя перваго въ произвольныхъ поборахъ, а послѣдняго въ пристрастномъ разбирательствѣ возникшаго суднаго дѣла и въ вымогательствѣ. Свое челобитіе крестьяне заключаютъ слѣдующимъ указаніемъ: „Да сверхъ тѣхъ намученныхъ кабалъ говорилъ онъ Семень намъ сиротамъ твоимъ: будетъ де вамъ жить во крестьянѣхъ невозможно, и вы де подайте челобитную такову жъ, какову подалъ Иванъ Петровъ, чтобъ быть въ половѣхъ, а не во крестьянѣхъ. Милостивый государь пресвященный архіепископъ Симонъ Вологодскій и Бѣлозерскій, пожалуй насъ сиротъ своихъ, вели, государь, по своему святительскому разсмотрѣнію въ тѣхъ ихъ намученныхъ кабалахъ свой святительскій указъ учинить, чтобъ намъ сиротамъ твоимъ отъ тѣхъ ихъ намученныхъ кабалъ въ конецъ не погинутъ и отъ твоей святительской отчины отъ крестьянства не отбыть“²⁾.

Смыслъ этихъ двухъ фактовъ едва ли можетъ вызвать разногласіе. Только великая нужда, невозможность жить въ крестьянахъ заставляетъ послѣднихъ поступать въ половники. Въ дополненіе къ этимъ фактамъ можно присоединить еще одно наблюденіе. По имѣющимся крестьянскимъ и половничьимъ поряднымъ видно, что половники по большей части заключали контракты съ подмогой; крестьяне же лишь въ исключительныхъ случаяхъ, какъ это будетъ подробнѣе указано ниже.

Къ сожалѣнію мы не располагаемъ достаточнымъ матеріаломъ для болѣе подробной характеристики экономическаго положенія крестьянъ и половниковъ. Позволимъ себѣ, однако, высказать догадку, которая, быть можетъ, позволитъ выяснитъ основное различіе условій крестьянской и половничьей аренды. Разъясненіе вопроса, кто и при какихъ условіяхъ поступалъ въ половники и въ крестьяне-порядчики, поможетъ намъ отчасти обосновать нашу догадку.

¹⁾ А. И., III, № 286. Сошная росписка Чердынскаго уѣзда была произведена въ 1618 году, какъ сказано въ грамотѣ; по другимъ указаніямъ она произведена въ 1615 года А. Э., III, № 72.

²⁾ Русская Историческая Библіотека, XIV, 980—982.

Изъ вышеуказанныхъ 15-ти половничьихъ порядныхъ въ шести обозначено, что въ половники поряжаются волостные и становые крестьяне ¹⁾). Но что это за крестьяне,—тяглые ли, покинувшіе по пуждѣ свои волостные участки, или вышедшіе изъ тягла и оставившіе послѣ себя новыхъ тягловцовъ, или, наконецъ, отдѣлившіеся члены крестьянской семьи — отвѣта на эти вопросы порядныя не даютъ. Нѣкоторый свѣтъ, однако, проливаютъ на эти вопросы другія документальныя свидѣтельства. По поряднымъ можно отмѣтить лишь одно, что на половье идутъ по большей части не одинокіе люди: это отецъ съ сыновьями, братья или складники. Но въ отдѣльныхъ случаяхъ въ половники поступаютъ и члены семей. Извѣстна одна поручная отца по сынѣ въ половьѣ ²⁾). По донесеніямъ сыщика Льва Микулина, отправленнаго для сыска бѣглыхъ крестьянъ въ Устюжскій уѣздъ, видно, что „иные крестьяне сысканы въ половникахъ за устюжаны за посадцкими людьми и за соборными попами и въ стрѣльцахъ и въ ямщикахъ, а на старыхъ ихъ жеребьяхъ живутъ братья ихъ, а у иныхъ отцы и дѣти, и твои государевы доходы съ тѣхъ деревень платятъ сполна, а отпускаютъ де они отцы своихъ дѣтей, и братья братью, и дядя племянниковъ въ половники и въ ямскую гонбу и въ стрѣльцы для окупу твоихъ же государевыхъ доходовъ, а сказываютъ, что живучи имъ въ одномъ мѣстѣ до остатка оскудать, и для того де они и отходятъ въ половники, которому поживетца и онъ примаешь себѣ твоихъ государевыхъ земель тягла лишнево“ ³⁾). Въ этихъ случаяхъ половничество является какъ бы отхожимъ промысломъ въ воспособленіе скудному крестьянскому хозяйству. Несомнѣнно дагѣ, что въ половникахъ оказывается значительный контингентъ тяглыхъ крестьянъ, пометавшихъ свои жеребьи вопреки государевымъ указамъ. Писцовые наказы тотемскій и сольвычегодскій содержатъ выдержки изъ государственной грамоты 1645 года, апрѣля 19, по которой было предписано положить въ вытное и сошное письмо все приобрѣтенныя разными владѣльцами тяглыя деревни и угодья; о населеніи же этихъ деревень въ грамотѣ содержится слѣдующее распоряженіе: „а которые люди въ тѣхъ ихъ покупныхъ деревняхъ живутъ въ половникахъ и въ бобыляхъ, а напередъ сего тѣ все люди живали на

¹⁾ См. выше стр. 11, прим. 2, №№ 2, 5, 8, 9, 10 и 13; ср. еще Русскую Историческую Библіотеку, XIV, 675.

²⁾ Русская Историческая Библіотека, XIV, 859.

³⁾ Архивъ Министерства Иностранныхъ дѣлъ, Приказныя дѣла № 52 1646—1647 года.

посадѣ и въ черныхъ деревняхъ въ тяглѣ, а въ писцовыхъ книгахъ тѣ люди написаны тяглыми людьми, и писцомъ тѣхъ всѣхъ людей по писцовымъ книгамъ изъ тѣхъ деревень имать за государя на посадѣ и въ волости жъ и въ черныя деревни по прежнему“ ¹⁾). Можно думать, что это распоряженіе очень плохо выполнялось; по крайней мѣрѣ, оно не разъ было подтверждено подѣ угрозой жестокаго наказанья. Напримѣръ, въ 1681 году особымъ указомъ предписано сыскать пометчиковъ пустыхъ жеребьевъ, призвать ихъ на старыя мѣста и велѣть жить въ старыхъ дворахъ. „А будетъ кто,—заключаетъ указъ,—пустыхъ жеребьевъ пометчиковъ пустилъ къ себѣ въ подворники или въ третники и въ половники и въ захребетники, и тѣмъ людямъ за то быть въ жестокомъ наказаньѣ, и за тѣхъ пометчиковъ съ ихъ пустыхъ жеребьевъ государевы подати и ямскіе и мірскіе всякіе поборы на прошлые годы доправлены будутъ на нихъ, кто ихъ пуститъ къ себѣ жить“ ²⁾). Но еще въ концѣ XVII вѣка встрѣчаются жалобы волостныхъ крестьянъ на вотчинниковъ за то, что тѣ принимаютъ на свои земли тяглыхъ крестьянъ. Такъ крестьяне Устюжскаго уѣзда всѣхъ волостей въ 1696 году жаловались на архіепископа Александра, что онъ „изъ своихъ даныхъ домовыхъ вотчинъ у крестьянъ своихъ многіе деревни поималъ къ себѣ, а ихъ выметалъ вонъ, а вмѣсто ихъ безъ твоего государева указу изсадилъ изъ твоихъ государевыхъ тяглыхъ крестьянъ и нынѣ пашутъ и хлѣбъ и сѣно снимаютъ и здѣля дѣлаютъ на него и даютъ къ нему многіе пожилые денги“ ³⁾). Если и въ центральныхъ уѣздахъ московскому правительству было очень трудно бороться съ повальнымъ бѣгствомъ земледѣльческаго населенія, то въ поморскихъ уѣздахъ подобная борьба была еще затруднительнѣе по географическимъ и социальнымъ особенностямъ края. Повидимому, волости предпочитали въ отдѣльныхъ случаяхъ оплачивать міромъ пустые жеребьи, чѣмъ затѣвать каждый разъ продолжительные и дорогіе процессы о возвращеніи бѣглыхъ тяглецовъ. По крайней мѣрѣ, можно указать, что въ волостяхъ выработаны были общія правила о порядкѣ уплаты сборовъ съ покинутыхъ участковъ ⁴⁾). Тѣмъ безпрепятственнѣе при та-

¹⁾ См. выше стр. 8, прим. 4.

²⁾ Русская Историческая Библіотека, XIV, 458.

³⁾ Русская Историческая Библіотека, XII, 1316—1317.

⁴⁾ Въ поручной по мірекомъ сборномъ старостѣ 1636 года указано такое правило: „А ково розрубной списокъ въ деревнѣ застанеть, и ему старостѣ денги имать на тѣхъ крестьянѣхъ; а буде розрубникъ застанеть, и ему (?) изъ деревни

ких условіяхъ совершался переходъ тяглыхъ крестьянъ въ половники.

Наконецъ, послѣдній элементъ въ составѣ половничества представляется особенно любопытнымъ. Въ него вошли тяглые крестьяне-собственники, переуступившіе свои участки въ другія руки, но продолжающіе сохранять связь съ землей, хотя уже не въ качествѣ собственниковъ, а только въ качествѣ половниковъ или крестьянъ-порядчиковъ. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ весьма важнымъ процессомъ крестьянскаго обезземеленія, не достаточно еще изученнымъ въ нашей исторіи.

Мобилизація крестьянскаго землевладѣнія въ поморскихъ уѣздахъ наблюдается съ довольно ранняго времени и въ довольно широкихъ размѣрахъ. Возникшее на обломкахъ крупнаго боярскаго землевладѣнія сѣверное крестьянское хозяйство хотя и сохранило преобладающимъ типъ мелкаго землевладѣнія, не могло, однако, воспрепятствовать возникновенію и развитію крупныхъ формъ хозяйства, и въ теченіе московскаго періода за полнымъ почти отсутствіемъ въ этихъ уѣздахъ дворянскаго вотчиннаго и помѣстнаго землевладѣнія единственными представителями крупнаго землевладѣнія явились тамъ монастыри, нѣкоторыя церкви (соборныя), архіерейскія кафедръ и, наконецъ, такъ называемые „деревенскіе владѣльцы“, преимущественно изъ среды посадскихъ торговыхъ людей. Только немногіе изъ монастырей и епископскія кафедръ оказались въ положеніи привилегированныхъ землевладѣльцевъ, пользовавшихся пожалованными имѣніями. Большинство же остальныхъ болѣе или менѣе крупныхъ хозяйствъ сложилось постепенно путемъ медленнаго сосредоточенія въ однѣхъ рукахъ мелкихъ крестьянскихъ участковъ. Московское правительство довольно рано замѣтило невыгодныя послѣдствія этого процесса для фискальных интересовъ и съ начала XVII вѣка издало рядъ указовъ, запрещающихъ приобрѣтеніе нетяглымъ людямъ тяглыхъ имуществъ¹⁾. Но процессъ обезземеленія шелъ своимъ путемъ вопреки

выѣдетъ крестьянинъ изъ волости въ волость, и ему старостѣ самому платить, а крестьяномъ платежнымъ въ томъ убытка не привести никоторого; а буде до розрубника изъ волости выѣдетъ крестьянинъ, и тѣ денги розрубать міромъ за бѣглово“, и проч. Русская Историческая Библіотека, XIV, 957—958.

¹⁾ Въ писцовыхъ наказахъ 1645 года предписано: „а впредь всякимъ нетяглымъ людямъ посадскихъ тяглыхъ дворовъ и лавокъ и анбаровъ и мелницъ и соляныхъ промысловъ и рыбныхъ ловель и деревень и всякихъ земель и угодей oprчъ посадскихъ и уѣздныхъ тяглыхъ людей въ закладъ не имати и не

московскимъ указамъ и въ значительной мѣрѣ подѣ давленіемъ финансовой политики московскаго правительства. Тяжесть государственныхъ сборовъ, взимаемыхъ съ земли, являлась одной изъ главныхъ причинъ упадка крестьянскаго хозяйства, а затѣмъ и окончательной его ликвидаціи. Въ цѣломъ рядѣ сохранившихся отступныхъ-посильныхъ единственныиъ мотивомъ передачи крестьянскихъ жеребьевъ выставляется невозможность уплачивать государственные сборы и отбывать повинности. Обычнымъ выраженіемъ этихъ отступныхъ являются слова: „а не измоглъ съ того владѣнья ни дани давати великаго князя, ни всякихъ разрубовъ волостныхъ платити, ни службы служити великаго князя, ни хлѣба въ житницы сыпати“ ¹⁾. Но отступная была послѣднимъ актомъ въ борьбѣ крестьянина за землю. Предварительно заключались иныя сдѣлки на землю, чаще всего закладъ. Онѣ, однако, только отсрочивали послѣдній актъ, отнюдь его не устраниая. Разъ успѣвъ захватить лоскутъ хотя бы $\frac{1}{16}$ доли деревни, землевладѣлецъ, чаще всего монастырь, медленно, но твердо вытѣснялъ прочихъ складниковъ деревни, постепенно завладѣвая расчищенной ими землей ²⁾.

Чтобы не быть оторваннымъ отъ земли окончательно, крестьянину оставался одинъ исходъ: поступить въ порядчики или половники, перѣдко на свой же прежній участокъ.

Указанный процессъ обезземеленія и превращенія самостоятельныхъ хозяевъ въ срочныхъ арендаторовъ получилъ къ половинѣ XVII вѣка, повидимому, широкое распространеніе. Писцовые указы 1645 года, касаясь перехода тяглыхъ земель въ руки нетяглыхъ людей, рядомъ съ половниками и бобылями, поселившимися въ такихъ покупныхъ деревняхъ и покинувшими свои тяглые участки, упоминаютъ и о такихъ арендаторахъ, „которые люди свои деревни продали имъ (нетяглымъ людямъ) и нынѣ живутъ за ними жъ“.

Можно отмѣтить и отдѣльные конкретные случаи, наглядно по-

покупати“. За нарушение этого предписанія указано имущество отбирать на государя безденежно, а продавцамъ чинить наказанье. Это предписаніе подтверждено общими и частными указами въ 1651, 1687 и въ 1690 годахъ; Русская Историческая Библіотека, XIV, 261, 909—911, 932, 996—999.

¹⁾ См. посильныя-отступныя въ Бѣляевскомъ собраніи Румянцевскаго музея №№ 66, 67, 92, 193 и др.; Русская Историческая Библіотека, XIV, 41, 62, 75, 116, 121; Сборникъ Троицко-Сергіевой Лавры № 532, лл. 1121, 1122, 1132 и 1141.

²⁾ Русская Историческая Библіотека, XIV, 230, прим.

яняющіе указанное превращеніе. Въ 1639 году братья Давыдовы заняли у Ѳедора Пыхова 100 руб. на двѣ недѣли безъ росту и заложили въ тѣхъ деньгахъ свою треть деревни въ Быкокурскомъ стану съ насѣяннымъ хлѣбомъ подѣ условіемъ „тотъ насѣянный хлѣбъ снимать намъ, Савѣ да Карпу, а дѣлить намъ съ Ѳедоромъ ржаныхъ сименевъ, имавъ пополамъ отъ цѣла и до хвоста, а яровыя симена выняти намъ, Савѣ да Карпу, себѣ, а приполонъ дѣлити пополамъ съ Ѳедоромъ, а кормъ гуменной и яровая солома намъ на себя“. Ясно, что половина урожая поступала въ пользу заимодавца взаменъ роста и устанавливала между сторонами отношенія, совершенно подобныя половничьему порядку. Залогодатели долга въ срокъ не уплатили, и согласно условію закладная кабала превращалась въ купчую и отводную. Ѳедоръ Пыховъ становился собственникомъ земли, а братья Давыдовы оказались его половниками. 1643 года 12-го декабря братья Давыдовы вынуждены были выдать на свою землю отступную, такъ какъ жена заимодавца съ его братомъ предъявили къ нимъ искъ объ очисткѣ земли или объ уплатѣ долга. Въ отступную, кромѣ двухъ братьевъ, вписанъ еще третій Григорій, который въ закладной кабалѣ не писанъ, потому что былъ въ отъѣздѣ; „и какъ пріѣхалъ я Григорей и жилъ въ половѣ зъ братьями своими у него жъ Ѳедора и у брата его по нынѣшней 152 годъ. И нынѣ безъ него Ѳедора жена его Марѣа и братъ его Данило редятъ на наше мѣсто иныхъ половниковъ“¹⁾. Значить, закладчики еще въ теченіе 4¹/₂ лѣтъ держались за бывшую свою деревню и жили въ ней въ качествѣ половниковъ, пока это терпѣли заимодавцы. По первому ихъ требованію должники были вынуждены выѣхать вонъ изъ деревни и дать на нее отступную.

Немного такихъ краснорѣчивыхъ иллюстрацій сохранили дошедшіе до насъ памятники. Гораздо чаще приходится встрѣчать въ нихъ лишь одни голыя указанія на результаты завершившагося процесса. Вотъ одинъ изъ такихъ примѣровъ. По жалованной грамотѣ царя Грознаго 1555 года, выданной съ прежнихъ грамотъ прародителей его, и по жалованнымъ грамотамъ царя Михаила 1615 и 1622 годовъ, подтвержденнымъ и царемъ Алексѣемъ въ 1646 году, ростовскому архіепископу отдана въ Устюжскомъ уѣздѣ владычня волость съ деревнями и съ крестьянами и „велѣно тою волостью и деревнями владѣть и вѣдать и во всякихъ дѣлахъ управу чинить во всемъ ростовскимъ

¹⁾ Русская Историческая Библіотека, XIV, 959—963.

архіереєм“¹⁾. Съ 1684 года эта волость или такъ называемый митрополій станъ отдана была устюжскому архіепископу, при чемъ обнаружилось, что нѣкоторыми деревнями успѣли завладѣть различныя деревенскіе владѣльцы. Архіепископъ Александръ возбудилъ по этому поводу дѣло, которое тянулось довольно долго и было имъ въ концѣ концовъ выиграно. Изъ приведенныхъ по этому дѣлу справокъ оказалось, что по писцовымъ книгамъ 1623—1626 годовъ въ стану считалось 80 дворовъ крестьянскихъ и 44 половничьихъ²⁾. Какъ появились эти половники, составляющіе болѣе трети въ составѣ селскаго населенія, не видно; но можно думать, что при прародителяхъ Грознаго ростовской епископіи пожалованы были земли изъ черныхъ волостей, въ которыхъ такого количества половниковъ быть не могло. Мало того. Въ выпискѣ изъ старинныхъ писцовыхъ книгъ 7065 года, приведенной въ дѣлѣ, за архіепископомъ ростовскимъ въ деревняхъ числилось всего 9 дворовъ, „и владѣльцовъ въ томъ селѣ и въ деревняхъ гостей и гостиной сотни и устюжскихъ подъячихъ и посадскихъ людей, кромѣ домовыхъ крестьянъ, не написано“. Позднѣе „послѣ тѣхъ домовыхъ крестьянъ въ тѣхъ вышеписанныхъ деревняхъ владѣльцы были домовые жъ крестьяне и въ другихъ писцовыхъ Юрьевыхъ книгахъ Стромиллова 128 году написаны имянно“. Но уже по писцовымъ книгамъ 1626 года въ трехъ деревняхъ оказалось 12 половничьихъ дворовъ, принадлежащихъ гостямъ братьямъ Босовымъ, посадскому человѣку Усову и церкви Дымковской слободы. Архіепископъ Александръ и обратилъ вниманіе на то, „что де есть въ томъ стану лутчихъ деревень и сѣнныхъ покосовъ и всякихъ угодей, и тѣми владѣють по купчимъ гости и гостиной сотни и съѣзжіей избы подъячіе и посадскіе люди, и тѣ де владѣльцы многіе люди въ томъ стану деревни покупали за ихъ великихъ государей указы и безъ приказу преосвященнаго Іоны, митрополита ростовскаго и ярославскаго“. Несомнѣнно, что указанные деревенскіе владѣльцы скупили земли и угодья у домовыхъ крестьянъ митрополюга стану. Значить, послѣдніе продолжали еще смотрѣть на свои участки, какъ на собственные, и считали себя въ правѣ распоряжаться ими, какъ и крестьяне черныхъ волостей³⁾. Но архіепископъ Александръ оспа-

¹⁾ Русская Историческая Библіотека, XII, 578.

²⁾ Тамъ же, 581.

³⁾ Это любопытное явленіе уже отмѣчено въ исторической литературѣ. А. Я. Ефименко привела аналогичные факты распоряженія землей владѣльческихъ

риваль дѣйствительность такихъ сдѣлокъ на томъ основаніи, что „во всякихъ вотчинахъ продать что или заложить поволность имѣть вотчинникъ, а не крестьянинъ“. Въмѣстѣ съ тѣмъ онъ отмѣтилъ, что новые деревенскіе владѣльцы приобрѣли домовые деревни у крестьянъ „мочью своею и истѣсненіемъ. а домовыхъ крестьянъ изъ тѣхъ деревень изогнали“ ¹⁾. Хотя въ виду этого указанія и нельзя утверждать, что всѣ крестьяне, продавшіе свои участки, остались половничать у новыхъ владѣльцевъ, но несомнѣнно одно, что количество половничьихъ дворовъ увеличивалось на счетъ крестьянскихъ путемъ скупки у крестьянъ ихъ деревенскихъ участковъ.

Но разсмотрѣнный путь обезземеленія былъ не единственнымъ. Къ тому же результату приводила и добровольная уступка земли въ церкви и монастыри путемъ вкладовъ отчасти по религиознымъ побужденіямъ, отчасти по экономическимъ соображеніямъ. Крестьяне иногда сами сооружали монастыри, надѣляя его землей „для царскаго богомолія и душевнаго спасенія и на поминокъ родителей своихъ, и для постригація безвкладныхъ нищихъ нужныхъ людей, которые ходя по міру скитаются“ ²⁾. Вкладчики, передавая земли въ церкви и монастыри, нерѣдко выговаривали въ пользу свою, своихъ дѣтей и родственниковъ право пользоваться участками передаваемой земли въ качествѣ порядчиковъ или половниковъ. Такой способъ обезпеченія землей могъ даже казаться болѣе прочнымъ, такъ какъ изъ рукъ крестьянина земля легко могла ускользнуть, а въ рукахъ сильнаго землевладѣльца она была несомнѣнно болѣе крѣпкой. Такіе расчеты далеко не всегда оправдывались; церкви и монастыри не стѣснялись выживать съ вкладной земли потомковъ вкладчика, поряжая на нее постороннихъ половниковъ. Но и такой исходъ не останавливалъ богобоязненныхъ

крестьянъ Холмогорской архіепископін, бывшихъ черныхъ Чюхченемской волости. Но архіепископъ Аванасій запретилъ крестьянамъ „промежъ себя землю продавать и покупать“. Тогда крестьяне обратились къ нему въ 1683 году съ слѣдующей просьбой: „Пожалуй насъ сиротъ твоихъ, благослови насъ межъ собою земли свои нужды ради продавать и закладывать для того, что у насъ хлѣбная скудость почасту бываетъ и морозомъ на всякій годъ позіябаетъ и инымъ провормится нечѣмъ толки не продажею землею или закладомъ“. Назв. соч., 274—275.

¹⁾ Русская Историческая Библіотека, XII, 899—911, 926—939.

²⁾ А. Ефименко, Назв. соч., 263 — 264; Русская Историческая Библіотека, XII, 1218 (1695 года): крестьяне сысольскихъ волостей хлопочутъ объ устроении монастыря, такъ какъ „многіе крестьяне радѣютъ постригатца, а постригать некому, а монастырей близко нѣту, а къ Русѣ итти многіе русково языку не разумѣютъ, языкъ у насъ пермской“.

жертвователей, которымъ все равно предстояла альтернатива—поступить землей въ чужія руки или передать ее для спасенія души въ церковь или монастырь. Нѣсколько примѣровъ всего лучше разъяснить только-что сказанное.

Въ 1593 году крестьянинъ Денисей Ефремовъ „положилъ“ въ церковь Введенія свою деревенскую землю съ тѣмъ, чтобы староста отдавалъ ее „пахати изъ жеребья“; а хлѣбъ, „что Богъ пошлетъ съ тое земли отъ дѣловца“, держать на церковные расходы. Къ этому условію жертвователь прибавилъ оговорку въ пользу своего потомства: „а чтобы господья мои, староста церковной и многой міръ, давали ту землю пахати дѣтямъ моимъ, а послѣ дѣтей внучатамъ изъ жеребья, а отъ храма Введенья Богородицы и святыхъ великомученикъ тые земли не отвести, ни продати, ни заложити, ни промѣнити никоемъ дѣлы и до вѣку“ ¹⁾. Дѣти и внуки жертвователя должны были пользоваться землею изъ жеребья, то-есть, на началахъ половинческой аренды. Въ другомъ случаѣ нѣкто Кукшинъ, передавая землю церкви Срѣтенія Христова въ 1609 году, выговариваетъ, чтобы „пахать та земля зятю моему Кирилу исполу да половина хлѣба отдавати старостѣ церковному на воскъ да на темьянъ“. Но жертвователь предусматриваетъ, что та земля можетъ отойти отъ его зятя и на ней будетъ половничать кто нибудь другой ²⁾. Точно также игумень Сефтренаго монастыря положилъ вкладомъ въ 1612 году въ Троицкую церковь свою деревню подъ условіемъ не отчуждать ея: „а половничать по моей смерти игуменовъ та Ѳеодоршинская деревня братіямъ моимъ роднымъ, Калинниковымъ дѣтямъ, пополамъ, кои похотять, а сѣно все тое деревни и солома и махины кормити половникамъ своему скоту, хто станетъ половничать на той же деревни... А не похотять половничать братія мои, ино имъ и дѣла нѣту, и роду моему и племени дѣла же нѣту до тое деревни“ ³⁾. Въ другихъ случаяхъ вкладная земля должна быть сдаваема не исполу, а изъ празги, то-есть, на крестьянскій порядъ. Напримѣръ, въ 1544 году власти Корельскаго монастыря дали отпись Роману Исаеву сыну Кузнецу въ томъ, что онъ далъ въ монастырь свою деревеньку, „ино ему жити въ той монастырской деревни до его живота безъ выряду, а давати ему въ монастырь празги съ году на годъ по гривнѣ де-

¹⁾ Русская Историческая Библіотека, XII, 12—13.

²⁾ Тамъ-же, XIV, 204.

³⁾ Русская Историческая Библіотека, XIV, 16—218.

негъ“¹⁾. По духовной памяти 1585 года Неонила Созонтьева передала церкви Вознесенья Христова свой участок деревни подъ такимъ условіемъ: „А на тое деревни послѣ моей смерти держати пасынка моего Климентья Евсеева, доколѣ онъ живъ, а празгую, чимъ его оброчать староста вознесенской и волостные крестьяне, а празги съ нее давати, что рядятъ волостные крестьяне зъ году на годъ... А будетъ та деревня не попадобитца моему пасынку Клементью, и старостѣ церковному тожъ иному отдати, хто возметъ на празгу“. Или еще: въ 1608 году Анна Зелениныхъ отдала по духовной той-же церкви Вознесенья свою деревню съ условіемъ, что „тою деревнею и угоды владѣти брати моей Василью да Мартыну Зеленинымъ и ихъ дѣтемъ и во вѣки; а съ тое деревни дань и оброкъ и всякіе государевы подати и земскіе розрубы имъ-же платити, а Вознесенью Христову и Введенью Пречистые съ тое жъ деревни на всякой годъ въ казну давати по 10 алтынъ, да священникамъ на соборъ по 10 же алтынъ“²⁾.

Въ отдѣльных случаяхъ оба указанные процесса обезземеленія крестьянскаго могли взаимно встрѣчаться. Любопытный примѣръ такого совпаденія представляетъ челобитная царю 1657—1658 годовъ братіи Печенгской пустыни. Въ ней сказано, что „въ прошлыхъ годахъ дали вкладу въ пустыню для нашего прокормленія и по обѣщанію своему твоей государевы дворцовой Верхъ-Кокшенской волости крестьяня свой жеребей деревню Дурневскую. Да въ той же деревнѣ Дурневской купили мы богомолцы твои жеребей пол-обжи на казенные денги и вкладные имъ вкладчикамъ за тѣ ихъ жеребьи вмѣсто денегъ дали; а на купленной жеребей взяли купчую на томъ, что имъ на то твое великаго государя богомолье на пустынное мѣсто пашню пахать и работу работать исполу. И онѣ по обѣщанію своему пашню на насъ богомолцовъ твоихъ пахали и работу работали, а мы, богомолцы твои, за ихъ работу и за пашню съ той деревнишки Дурневской, съ ихъ и съ купленова жеребья, платили твои государевы

¹⁾ Тамъ же, XIV, 37.

²⁾ Тамъ же, 191 и 198. Въ 1614 году Артемій Цываревъ по духовной деревню съ угодами передать сыновьямъ, а участокъ земли церкви Вознесенья съ тѣмъ, чтобы „тою землею владѣти дѣтямъ моимъ доколѣ имъ возможно, а давати имъ сверхъ податей, дани и оброковъ и всякихъ податей, Вознесенью Христову по двѣ гривны на годъ... А невозможно будетъ дѣтямъ моимъ тое земли держати, и имъ отказати та земля старостѣ церковному въ мѣръ“. Тамъ же, 231. Ср. А. А. Спицынъ, Земля и люди на Вяткѣ, прилож. стр. 48—49, §§ 2 и 3.

данные и оброшныя денги и всякіе подати и доходы многіе лѣта домовыми пустынными денгами“. Значить на вкладной и на купленной землѣ вкладчики, они же продавцы, остались половничать ¹⁾).

Когда же, во всѣхъ изъ указанныхъ случаевъ, оторванные отъ земли крестьяне попадали въ половники, когда въ крестьяне порядчики? Отвѣтъ на это въ памятникахъ едва-ли можно отыскать. Нельзя однако, сомнѣваться, что предпочтеніе того или иного вида аренды обусловливалось исключительно экономическими мотивами. Съ нѣкоторою вѣроятностью можно предположить, что половничья аренда предпочиталась крестьянскому порядку между прочимъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда крестьянинъ собственникъ доведенъ былъ до крайней нужды тяжестью государственныхъ сборовъ. Переходя затѣмъ въ половники онъ въ большинствѣ случаевъ ограждалъ себя на ближайшее время отъ этого податнаго гнета, такъ какъ всѣ сборы за половника обыкновенно уплачивалъ самъ землевладѣлецъ. Половникъ же могъ быть спокоенъ, что никакихъ экстренныхъ платежей, кромѣ половины урожая, онъ платить не долженъ, такъ какъ эта половина уплачивалась владѣльцу „на землю и на розрубы“ ²⁾. Когда же крестьянинъ отступался отъ земли не исключительно по мотивамъ податнымъ, онъ затѣмъ могъ даже предпочесть крѣстьянскую аренду, какъ болѣе самостоятельную и выгодную, половничьей.

Указанные процессы крестьянскаго обезземеленія оказали весьма важнѣе вліяніе на судьбу сельскаго населенія поморскихъ уѣздовъ. Обезземеленіе крестьянъ всюду слѣдовало за проникновеніемъ и распространеніемъ владѣльческихъ элементовъ въ краѣ и завершало собою первую ступень въ исторіи возникновенія крѣпостнаго права на владѣльческихъ крестьянъ. Въ дальнѣйшей стадіи ходъ закрѣпощенія выражался вовсе не въ прикрѣпленіи къ землѣ только что оторванного отъ нея половника или крестьянина порядчика, а въ закрѣпленіи того и другаго владѣльцу, все болѣе и болѣе затягивающимся узломъ личной зависимости. Эта мысль давно уже высказана въ нашей литературѣ. „Центръ закрѣпостительнаго процесса, — говоритъ А. Ефименко, — двигался не въ направленіи прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ, а въ направленіи постепеннаго отобранія правъ свободнаго человѣка и въ экономическомъ закабаленіи“. Въ иной формулировкѣ, широко обобщенная, та же мысль легла въ основу труда проф. Ключ-

¹⁾ Русская Историческая Библіотека, XIV, 417—418.

²⁾ А. Ефименко, Назв. соч., 289.

чевскаго „О происхожденіи крѣпостнаго права“, который, какъ извѣстно, доказывалъ мысль, что крѣпостное право, въ предѣлахъ Московскаго государства вообще, развилось не въ формѣ поземельнаго прикрѣпленія, а на началахъ личной крѣпости.

Изученіе отношеній половниковъ и крестьянъ-порядчиковъ къ землевладѣльцамъ получаетъ поэтому двоякій интересъ. Помимо выясненія поземельныхъ отношеній въ поморскихъ уѣздахъ, оно можетъ дать матеріалъ для сравненія этихъ отношеній съ исторіей безземельнаго крестьянства въ центральныхъ уѣздахъ московскаго государства въ эпоху до втораго Судебника или до послѣдней четверти XVI вѣка и для выясненія многихъ неясныхъ и спорныхъ подробностей этой исторіи. Кромѣ постановленій судебниковъ и нѣсколькихъ грамотъ изслѣдователи не имѣютъ въ распоряженіи почти никакого бытоваго матеріала для исторіи владѣльческихъ крестьянъ центральныхъ уѣздовъ за указанный періодъ. Между тѣмъ простое сопоставленіе нѣкоторыхъ характерныхъ признаковъ половничества съ положеніемъ крестьянъ въ указанномъ районѣ обнаруживаетъ рядъ сходныхъ между ними чертъ. Тѣ и другіе являются безземельными арендаторами участковъ владѣльческой земли, снимающими эту землю по частному договору (порядъ), пользующимися правомъ перехода въ установленные сроки и отбывающими въ пользу государства, лично и чрезъ посредство землевладѣльцевъ, различные виды тягла. Сравнительное богатство сохранившихся крестьянскихъ и половничихъ порядныхъ поморскихъ уѣздовъ (свыше 45 съ половины XVI до конца XVII вѣка) можетъ послужить, поэтому, любопытнымъ матеріаломъ для восполненія многихъ безслѣдно утраченныхъ чертъ въ отношеніяхъ между арендаторами и землевладѣльцами въ московскомъ государствѣ до прикрѣпленія крестьянъ.

Не задаваясь цѣлью исчерпать имѣющійся матеріалъ въ указанномъ смыслѣ, мы предлагаемъ опытъ сопоставленія лишь нѣкоторыхъ сторонъ въ бытѣ порядчиковъ поморскихъ уѣздовъ и переходящихъ крестьянъ другихъ мѣстностей Московскаго государства.

Извѣстно, что ограничительныя постановленія Судебниковъ о крестьянскомъ переходѣ редактированы односторонне: въ отличіе отъ правила Псковской Судной грамоты, ими ограждаются лишь интересы землевладѣльцевъ и не охраняются права крестьянъ противъ произвольныхъ отказовъ владѣльцевъ. Высказана мысль, что такая редакция соотвѣтствовала практическимъ потребностямъ, такъ какъ землевладѣльцы, вопреки своимъ интересамъ, не имѣли поводовъ разгонять

крестьянъ ¹⁾. Въ другомъ мѣстѣ мы указали на возможность такихъ случаевъ, когда землевладѣльцамъ было выгодно воспользоваться правомъ отказа неисправнымъ арендаторамъ, и высказали догадку, что въ такихъ случаяхъ едва-ли землевладѣльцы стѣснялись постановленіями Судебниковъ о срокахъ отказа. Практика крестьянскихъ переходовъ въ поморскихъ уѣздахъ до извѣстной степени подтверждаетъ это предположеніе. Дѣйствіе Судебниковъ распространялось, конечно, и на поморскіе уѣзды. Между тѣмъ, съ половины XVI вѣка относительно крестьянскаго выхода тамъ установилась практика, не вполне соответствующая постановленіямъ Судебниковъ. Такъ прежде всего установленный въ судебникахъ срокъ перехода—Юрьевъ день является обычнымъ срокомъ выхода только во всѣхъ половничьихъ порядныхъ, въ которыхъ единообразно повторяется условіе: „рядъ и вырядъ Георгіевъ день осенной“ ²⁾. Наоборотъ, въ крестьянскихъ порядныхъ этотъ срокъ встрѣчается лишь по исключенію (всего въ 3 случаяхъ); въ большинствѣ же порядныхъ (въ 17-ти) установлены весенніе сроки перехода, въ промежутокъ съ 1-го марта по 10-е іюня, съ преобладаніемъ апрѣльскихъ сроковъ ³⁾. Затѣмъ, почти всѣ порядныя крестьянскія и половничьи заключены на опредѣленные сроки, какъ указано выше, по большей части отъ 3 до 10 лѣтъ. Это также составляетъ особенность данной мѣстности, такъ какъ изъ извѣстныхъ крестьянскихъ порядныхъ другихъ уѣздовъ, нѣтъ ни одной, заключенной на опредѣленный срокъ ⁴⁾.

Наконецъ, что особенно любопытно, порядныя въ поморскихъ уѣздахъ заключались на обоюдныхъ условіяхъ и писались въ двухъ экземплярахъ „по противнымъ“, которыми стороны размѣнивались при

¹⁾ В. И. Сертневичъ, Русскія юридическія древности, I, 238; ср. J. Engelmann, Die Leibeigenschaft in Russland, 20—21.

²⁾ Исключеніе составляетъ одна порядная 1626 года, въ которой срокъ порядка и выряда установленъ на 25 марта. Русская Историческая Библиотека, XIV, 354—356. По указанію г-жи Ефименки, „Юрьевъ день на сѣверѣ сообразно климатическимъ условіямъ, постоянно замѣнялся Николинымъ днемъ: съ Николина дня *вешито* съ нынѣшняго такого-то года до сроку до Николина же дня *вешняго* такого-то года—общая формула всѣхъ порядныхъ записей“. Названное сочиненіе, 289. Тѣмъ болѣе желательно поскорѣ видѣть изданными порядныя, находящіяся въ распоряженіи автора.

³⁾ Эти сроки слѣдующіе: 1, 17 и 23 марта; 2, 3, 6, 7, 13, 16 и 21 апрѣля; 5, 6, 9 и 25 мая; 10 іюня, 1 сентября, 15 октября, 20 и 24 ноября, 6 декабря.

⁴⁾ В. Н. Чичеринъ, Опыты по исторіи русскаго права, 199 и 185; В. И. Сертневичъ, назван. соч., I, 205—206.

заключеніи условія ¹⁾. Въ этихъ послѣднихъ иногда не оговаривается отвѣтственность землевладѣльца за нарушеніе условій порядка, но несомнѣнно, что выдача порядчику „противня“ или „данной противъ порядной“ обезпечивала ему возможность предъявленіемъ документа въ судъ доказать нарушеніе его правъ землевладѣльцемъ и потребовать вознагражденія ²⁾. Большею же частью въ порядныхъ этого вида прописывается отвѣтственность хозяина или его уполномоченнаго за высылку крестьянина до условленнаго срока. Такъ, напри- мѣръ, половникъ Спасской церкви, порядившійся на 10 лѣтъ, выговариваетъ такое условіе: „А поставлю язь Василей въ той деревни всѣ хоромы по записи и до срочнаго году, и вышлютъ меня изъ той деревни, и спасскому церковному прикащику, хто будетъ вырядить меня изъ той деревни, дати мнѣ 10 рублевъ денегъ“ ³⁾. Иногда же къ этому главному обезпеченію правъ порядчика присоединяется отвѣтственность и за нарушеніе другихъ условій порядка; напри- мѣръ, въ крестьянской порядной 1664 года на Богоявленскую церковную деревню сказано: „А будетъ онъ Огаеонъ или хто по немъ иные впредь (прикащики) будутъ и его Самойла до строку держать не учнутъ и хлѣба и сѣна давать не учнутъ, и въ томъ что ему Самойлѣ учинитца убытковъ взять на церковномъ прикащикѣ и на мірскихъ людехъ“ ⁴⁾; или еще въ порядной крестьянской Прилуцкому мона-

¹⁾ Такихъ порядныхъ намъ извѣстно до 10: одна половничья 1628 г. (Русская Историческая Библіотека, XIV, 354—357) и девять крестьянскихъ (Русская Историческая Библіотека, XIV, 92—93 (7083), 100—102 (7091), 102—104 (7098), 138 (7100), 409—411 (7160), 428—431 (7168); Бѣляевское собраніе порядныхъ празгов. № 1 (7173); Русская Историческая Библіотека, XII, 116—120 (7206) и 1446—1470 (7209).

²⁾ Такихъ порядныхъ три: Русская Историческая Библіотека, XIV, 138: „да въ томъ есмь межъ собою и записи написали по противнямъ и розняли“; ib. 411 (отъ имени землевладѣльца): „въ томъ имъ отъ собою и порядную дали, а отъ нихъ къ собѣ запись на нихъ взяли“; ib. 431: „да въ томъ семъ на тотъ починокъ и даную дали, а на нихъ порядную взяли такую жъ слово въ слово“.

³⁾ Тамъ же, 356. Аналогичныя условія и въ крестьянскихъ порядныхъ: „а вышло язь Дмитрей (церковный прикащикъ порядчика), не додержа тѣхъ урочныхъ лѣтъ, и на мнѣ на Дмитрей рубль денегъ“; „а язь Евсей Ѳеодора выражу изъ деревни вонъ, а не дамъ ему дожити тѣхъ урочныхъ лѣтъ, и Ѳеодору на мнѣ на Евсеи взять по сей порядной пять рублевъ денегъ“. Тамъ же 93 и 101; ср. еще 103 и т. XII, 119.

⁴⁾ Румянцевскій Музей, Бѣляевское собраніе празгов. порядныхъ № 1. Любопытно, что въ порядной вовсе нѣтъ особаго условія давать крестьянину въ ссуду хлѣба и сѣна. Значить не всѣ условія записывались въ порядныя.

стырю отвѣтственность монастырскихъ властей формулирована такъ: „А будетъ они приказной старецъ зъ братьею начнутъ отъ владѣнья и отъ хлѣбной ссуды въ срочные годы отказывать, и взять тажъ вышеписанная застава (20 рублей денегъ и съ убытки) мнѣ Аюнасъю“ ¹⁾. Такое обезпеченіе порядчиковъ отъ произвола хозяевъ выработано практикой и являлось прямымъ дополненіемъ односторонняго постановленія въ законѣ. Подобная практика могла возникнуть только въ виду настоятельныхъ къ тому поводовъ. Значить половникамъ и крестьянамъ нерѣдко приходилось терпѣть отъ произвола хозяевъ въ формѣ досрочнаго отказа отъ аренды. Прямымъ подтвержденіемъ этому служатъ двѣ сохранившіяся явки половниковъ на своихъ хозяевъ. Въ одной изъ нихъ, 1616 года, половникъ, порядившійся на годъ, объявляетъ, что хозяинъ его „не дождался срочново дня, отъ себя меня Васка изъ двора збилъ“ и не отдалъ причитающейся доли; въ другомъ случаѣ порядившійся на 3 года половникъ жалуется въ 1627 году, что хозяинъ не выдалъ ему половины изъ урожая третьяго лѣта: „и я, господа, учаль у него прошать той своіе половины.... а онъ учаль меня бить, а бивъ и зъ двора сослалъ, а того мнѣ половья моего повытъя и по ся мѣста не даетъ“ ²⁾. Правда, въ обоихъ указанныхъ случаяхъ не было заключено письменныхъ условій: „а порядная у насъ записъ промежъ нами не была, вѣрилисъ съ нимъ Божіею правдою“ (въ другомъ случаѣ: „а порядной мнѣ не далъ и я повѣрилъ его слову“). Но это обстоятельство нисколько не умаляетъ значенія фактовъ. Весьма вѣроятно, что до половины XVI вѣка большинство порядныхъ въ центральныхъ уѣздахъ заключались словесно и легко могли нарушаться землевладѣльцами. И противъ такихъ злоупотребленій Судебники ничѣмъ не ограждали крестьянъ.

Второй подробностью, на которой интересно остановиться, является вопросъ о санкціи правилъ и условій крестьянскаго выхода. Извѣстно, что Судебники не содержатъ санкціи своихъ постановленій по этому предмету, и это отсутствіе санкціи въ законѣ породило не мало разногласій между изслѣдователями при рѣшеніи вопроса, какія же послѣдствія наступали при выходѣ крестьянъ не въ срокъ, безъ отказа и безъ пошлинъ.

Наоборотъ, громадное большинство порядныхъ половничьихъ и

¹⁾ Русская Историческая Библіотека, XII, 1470.

²⁾ Русская Историческая Библіотека, XIV, 627—628 и 675—676.

крестьянскихъ поморскихъ уѣздовъ, устанавливая порядокъ выхода по истеченіи срока аренды, содержать и санкцію за невыполненіе какъ этого, такъ и прочихъ условій контракта, если только за невыполненіе тѣхъ или иныхъ изъ послѣднихъ не установлено специальной санкции. По общему правилу къ выходному сроку должны быть исполнены всѣ принятыя на себя порядчикомъ обязательства. Послѣднія же были довольно разнообразны, и здѣсь нѣтъ нужды перечислять ихъ. Слѣдуетъ однако отмѣтить, что ни въ одной порядной нѣтъ указаній на то, что порядчикъ платилъ пожилое за пользованіе дворомъ или уплачивалъ особую пошлину при выходѣ (повозъ). Въ тѣхъ случаяхъ, когда въ порядныхъ специально указываются условія выхода, въ нихъ выставляются требованія о выполненіи важнѣйшихъ обязательствъ порядчика. Такъ въ половничьихъ порядныхъ довольно обычно условіе о возвращеніи при выходѣ подмоги, если таковая была выдана, и о выполненіи всѣхъ работъ по приряду ¹⁾; въ крестьянскихъ же порядныхъ обыкновенно требовалось уплатить всѣ государственные и земскіе сборы и платежи землевладѣльцу, а также сдать въ исправности участокъ съ хозяйственными постройками ²⁾; иногда же опредѣлялось только, въ какомъ видѣ порядчикъ долженъ сдать участокъ и дворъ ³⁾. Самая санкція какъ этихъ, такъ и прочихъ условій, выражалась весьма разнообразно. Простѣйшими и самыми обычными ея формами являются неустойка (зарядъ, застава) или поручительство, или же то и другое совмѣстно. Можно различать неустойку общую и специальную. Последняя назначалась за невыполненіе какихъ нибудь точно обозначенныхъ обязательствъ; напримѣръ, въ половничьихъ порядныхъ за невыполненіе какихъ либо частей услов-

¹⁾ Русская Историческая Библіотека, XIV, 946: „А отживемъ срошные годы и пойдемъ вонъ, ино подможные денги заплатити и прирядъ весь здѣлати готова“. Ср., ib., 954, 970; т. XII, 252 и 403: „И поядемъ изъ деревни вонъ, доживемъ до срока, прирядъ здѣлать въ наготово безоухлюно“.

²⁾ Русская Историческая Библіотека, XIV, 97: „а доживемъ по сей записѣ тѣ урочные лѣта и похотимъ вонъ итти изъ той деревни на срокъ, и намъ царя и великаго князя дань и оброкъ, и службу и земскіе розметы, и спасская празга заплативъ сполна, и тѣ хоромы, и пашня, и огороды отвести и отдать приказу, тоже вонъ итти“. Ср. еще, ib., 98, 100, 103, 106, 108, 110, 112, 114, 138.

³⁾ Русская Историческая Библіотека, XII, 1380: „И отживъ тѣ вышеписанные срочные годы, 20 годовъ, то ихъ монастырское повытье съ хороннымъ строеніемъ въ пол-держъ же и съ насіянымъ хлѣбомъ съ рожью и не запустоша пашенной земли и не заростя сѣнныхъ покосовъ отдать ему приказному старцу противъ прииму своего все въ цѣлости“.

ленного приряда или работъ, какъ-то: за непоставку жердей на огородъ по 5 алт. за сто, за недоставку дровъ по полуполтинѣ за сажень, за невысѣчку новины 1¹/₂ р. или 4 р., за недоставку крупъ по 10 денегъ съ мѣры, за невывозку назьма съ возу по 1 алт., за неявку на здѣльные работы по полтинѣ съ человѣка за день, за непоставку избы 6 руб., за непоставку сарая 1¹/₂ руб. и проч. ¹⁾); въ крестьянскихъ порядныхъ специальная неустойка нерѣдко назначалась за непоставку вновь избы и другихъ хозяйственныхъ построекъ и за непочинку старыхъ хоромъ ²⁾). Общая неустойка назначалась за невыполненіе совокупности обязательствъ; напримѣръ, за недоживъ до срока и за невыполненіе приряда въ цѣломъ или только за неисполненіе послѣдняго, какъ это встрѣчается въ большей части половничьихъ порядныхъ ³⁾). Гораздо чаще общая неустойка встрѣчается въ крестьянскихъ порядныхъ, гдѣ обычнымъ условіемъ является правило: „а не учну язъ въ той деревни жити и той деревни орати и сѣяти, или тѣхъ хоромъ не поставлю или не доживъ да пойду изъ деревни вонъ, и на мнѣ взяти по сей порядной записи“ столько-то ⁴⁾); или иначе: „А будетъ я подрядчикъ жить до сроку во крестьянствѣ не стану или въ чемъ противъ вышеписаннаго не устою, или подати съ того повытъя платить, или оброку въ монастырь, или здѣля монастырскаго противъ сей порядной записи не стану, и взять ему приказному старцу за неустойку“ столько-то ⁵⁾). Общая неустойка назначалась въ различныхъ суммахъ отъ 1 р. до 30 руб., при чемъ обыкновенно присоединялись сверхъ того еще и всѣ убытки по расчету. Иногда же неустойка опредѣлялась не въ установленной суммѣ, а по расчету недоплатъ по государственнымъ и земскимъ сборамъ и хозяйскаго оброка; напримѣръ: „и на насъ по сей порядной записи государевы подати, дань и оброкъ, и

¹⁾ Русская Историческая Библіотека, XII, 466, 1169; XIV, 914—946, 951—952, 968—970, 1137—1138.

²⁾ Тамъ же, XIV, 97, 98, 106, 108, 410, 430.

³⁾ Тамъ же, XIV, 356: „А не доживу язъ до срочного лѣта и изъ деревни сѣѣду и не поставлю на тое деревни избы новые и сарая, или клѣти не перекрою и мнѣ дати заставы по сей записи 10 р. денегъ“; XII, 467: „буде мы того приряду не сдѣлаемъ, что писанъ въ сей порядной, и дать въ казну за прирядъ 10 р.“; ср., ib., 369.

⁴⁾ Русская Историческая Библіотека, XIV, 92; ср. еще 93, 95, 101.

⁵⁾ Русская Историческая Библіотека, XII, 1366; ср. еще ib., 119, 1380, 1434, 1470.

служба, и становые розметы, и спасской оброкъ впередъ до срочнаго года¹⁾.

Порука вводилась также въ разнообразной формѣ. Или поручитель принималъ на себя отвѣтственность по всѣмъ обязательствамъ порядчика: „въ житьѣ, въ розрубѣ и въ службѣ, и въ празги, и въ деревенской пахотѣ“; или „въ подможныхъ денгахъ и въ хлѣбѣ, и въ прирядѣ, и въ недопашкѣ и во всякомъ воровствѣ“²⁾; или же только по нѣкоторымъ важнѣйшимъ условіямъ: „въ житьѣ крестьянства въ тѣ срочные годы до сроку и въ дворовой постройкѣ“; или „въ ссудныхъ деньгахъ и въ пахотѣ“³⁾. Эта отвѣтственность поручителей выражалась обыкновенно въ той же формѣ, какъ и отвѣтственность неисправнаго порядчика; иногда-же, въ случаѣ невыполненія обязательствъ порядчикомъ, поручители цѣликомъ принимали на себя выполнение ихъ: „а не станетъ онъ за нашею порукою на той церковной деревни жити до срочнаго лѣта и намъ порутчикомъ тою церковною деревнею владѣть до срочныхъ лѣтъ орати и сѣяти по сей порядной записи“⁴⁾.

Эти формы санкции отнюдь не составляютъ особенности данной мѣстности и встрѣчаются обыкновенно во всѣхъ крестьянскихъ порядныхъ. Юридическое ихъ значеніе не возбуждаетъ никакихъ сомнѣній: порядчикъ, нарушившій условія порядной, или его поручитель были обязаны уплатить неустойку и этимъ самымъ освобождались отъ всякой дальнѣйшей отвѣтственности. Но за этой простой логической канструкціей скрывается цѣлая житейская драма. Дѣйствительно, заплатить неустойку было не легко. Если это было выполнимо, когда неустойка не превышала 1 — 3 рублей, то при размѣрахъ ея въ 10—30 рублей,—а такихъ порядныхъ большинство,—неисправный порядчикъ становился въ безвыходное положеніе. Въ нѣкоторыхъ порядныхъ случайно сохранились любопытныя указанія на порядокъ взысканія съ такихъ неисправныхъ порядчиковъ. Это правило взысканія формулировано въ лаконической, но многозначительной формулѣ: „А хто съ порядною ни станетъ, той и истецъ;

¹⁾ Русская Историческая Библіотека, XIV, 108; ср. еще 97, 98, 100, 106, 110, 112, 114.

²⁾ Румянцевскій Музей, Бѣляевское собр. празг. порядн. № 1; Русская Историческая Библіотека, XVI, 970; ср., ib., 954, 946, 1139 и т. XII, 458.

³⁾ Русская Историческая Библіотека, XII, 1469; Кунгур. акты, 131.

⁴⁾ Румянцевскій Музей, Бѣляевское собр. празг. порядн. № 2.

а гдѣ насъ половниковъ ся порядная ни застанеть, подѣ которымъ судомъ ни буди, тутъ по ней судѣ и правежѣ, и за прирядѣ денги всѣ сполна“; или иначе: „гдѣ ся запись выляжетъ тутъ по ней судѣ; а хто съ сею записью станеть, тотъ ей и истецъ; а который изъ насъ исполшиковъ или порутчика будетъ въ лицахъ, на томъ по сей записи ссудные денги сполна и съ убытки“ ¹⁾. Отсюда видно, что право взысканія съ порядчиковъ могло быть передаваемо третьему лицу, и привлеченный къ отвѣтственности не могъ предъявить отвѣда о неподсудности. При несостоятельности отвѣтчика ему грозила участь неисправнаго должника: выдача кредитору головой до отработки долга. Въ такомъ положеніи для него, конечно, было предпочтительнѣе отработывать свой долгъ на участкѣ земли въ качествѣ порядчика, а не во дворѣ хозяина въ качествѣ его временнаго холопа въ теченіе 2—6 лѣтъ ²⁾. Отъ милости кредитора зависѣло согласиться на такую льготу. Но въ случаѣ такого согласія мы имѣли бы примѣръ возвращенія на прежній или иной участокъ неисправнаго порядчика. Повидимому, такая практика была извѣстна въ поморскихъ уѣздахъ. По крайней мѣрѣ, всего легче именно на почвѣ такой практики объяснить возникновеніе дополнительной санкции въ порядныхъ конца XVII вѣка, согласно которой неисправный порядчикъ съ уплатой неустойки и причиненныхъ убытковъ не освобождался отъ принятыхъ на себя обязательствъ до истеченія срока порядной. Такая дополнительная санкція гласить: „а ся запись до срока и впредь въ записи мѣсто“ ³⁾. Это значитъ, что ушедшій до срока порядчикъ и уплатой неустойки не освобождался отъ обязанности дожить до срока и, стало быть, подлежалъ возвращенію на свой прежній участокъ. Въ болѣе раннихъ порядныхъ тотъ-же результатъ достигался инымъ путемъ: землевладѣльцы выговаривали съ порядчиковъ обязательство выполнить всѣ главнѣйшія условія порядка „не выѣзжая изъ деревни“; напримѣръ: „а поѣдемъ вонъ изъ деревни

¹⁾ Русская Историческая Библіотека, XII, 369; Кунгур. акт., 131. Ср. еще Русская Историческая Библіотека, XII, 403: „А гдѣ ся порядная насъ половниковъ застанеть подѣ которымъ судомъ ни буди, тутъ намъ судѣ и управа; а хто за сею порядною станеть тотъ и истецъ“; и еще ib., 1169: „хто съ сею порядною въ судѣ станеть, тотъ и истецъ“.

²⁾ Несостоятельные должники отработывали долгъ „по году за 5 рублевъ“ — Улож., X, 266.

³⁾ Русская Историческая Библіотека, XII, 1381, 1434, 1470.

и намъ подмогъ заплатить весь сполна и прирядъ сдѣлать весь до- готова, не выѣзжая изъ деревни“ ¹⁾). Полагаемъ, что въ этихъ слу- чаяхъ вышедшій порядчикъ подлежалъ также возвращенію, если не исполнилъ указаннаго обязательства. Этими способами интересы зем- левладѣльца обезпечивались гораздо надежнѣе, чѣмъ неустойкой или порукой; но вмѣстѣ съ тѣмъ порядчикъ тѣснѣе связывался съ своимъ хозяиномъ и не только до конца своей аренды, но и на дальнѣйшіе сроки.

Это замѣчаніе приводитъ насъ къ послѣднему вопросу, на кото- ромъ умѣстно здѣсь остановиться, именно къ вопросу о томъ, какая судьба постигала порядчика въ случаѣ невыполненія имъ какихъ либо обязательствъ къ окончанію срока аренды. Конечно, не всѣ обя- зательства имѣли тутъ одинаковое значеніе. На первомъ мѣстѣ сто- яли такъ или иначе возникшія долговыя отношенія порядчика къ землевладѣльцу. Невыплаченная подмога, невыполненный прирядъ, недоимки по оброку и государственнымъ сборамъ, неуплаченная свое- временно денежная и хлѣбная ссуда и т. п.—таковы различные по- воды задолженности половниковъ и крестьянъ-порядчиковъ.

На это явленіе задолженности половниковъ уже было обращено вниманіе и было уже отмѣчено, что землевладѣльческая ссуда „пре- вращала отношенія половника къ землевладѣльцу въ подневоль- ныя“ ²⁾). Къ сожалѣнію, это замѣчаніе не было достаточно подкрѣп- лено. Правда, имѣющійся матеріалъ не содержитъ подробныхъ дан- ныхъ для полной оцѣнки этого интереснаго явленія. Но нѣкоторыя заключенія возможно сдѣлать и на основаніи того немногаго, что даютъ сохранившіяся порядныя.

Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить, что большинство половничихъ порядныхъ (девять) заключены съ выдачей порядчикамъ подмоги хлѣбомъ и деньгами ³⁾ въ размѣрѣ отъ полтины до 20 р. Наоборотъ,

---

¹⁾ Тамъ же, 252; ср., ib., 1168: „а подможные денги заплатить, не вы- ѣзжая вонъ изъ деревни“.

²⁾ А. С. Лаппо-Данилевскій, названное сочиненіе, 103—104.

³⁾ Русская Историческая Библіотека XIV, 876—878, 942—947, 948—955, 966—971, 1135—1141; т. XII, 249—252, 1167—1169; Кунгурскіе акты, 130—132. По договорному письму 1719 г. также назначена подмога 2 р. 10 алт., ло- шадь и 3 осмины ржи (*Стицынъ*, 32); по словесной порядной 1616 г. хозяинъ „на подмогу хотѣлъ дати полтину денегъ, да не далъ“, Русская Историческая Би- блиотека XIV, 628. Въ купчей 1617 г. на четверть деревни Ивановскому мона- стырю продавецъ заявляетъ: „А что у меня порядная была на половника на

по крестьянскимъ поряднымъ подмога является рѣдкимъ исключеніемъ (всего въ двухъ случаяхъ ¹⁾). За то въ нѣсколькихъ изъ нихъ встрѣчаемся съ условіемъ: „а передъ новью или на сѣмена хлѣба, ржи и овса на ссуду въ долгъ давать“; или еще: „а озимовыхъ и вешнихъ сѣмянъ давать въ отсыпь, а не въ цыфь, а передъ новью таже хлѣбомъ сужать съ росписками“ ²⁾. Подмога по общему правилу подлежить возвращенію къ окончанію срока аренды при выходѣ или „не выѣзжая изъ деревни“. Это обыкновенно оговаривается въ порядныхъ. Въ одномъ лишь случаѣ взято „на распашку и на прирядъ не въ отдачу“ 4 рубля; но рядомъ же упоминается и о восьми рубляхъ подмоги „до своего сроку“ ³⁾. Такимъ образомъ, подмога была обыкновенной ссудой, какъ она и названа въ одномъ случаѣ ⁴⁾.

Какія же послѣдствія наступали въ томъ случаѣ, если подмога не возвращалась къ выходному сроку? Нѣкоторыя половничьи порядныя даютъ на это опредѣленный отвѣтъ: при несостоятельности порядчика заключалась новая порядная на новый срокъ. Такъ въ

Василья Щокота да на сына его Флора, а по ней подмоги имъ была написано 5 р. денегъ, да ржи двѣ четверти, да овса четверть, и я тѣ подможныя деньги и хлѣбъ взялъ у игумена и у всея братіи, а имъ въ монастырь тое порядную отдать“. Грам. Колл. Эк., Устюжскаго уѣзда № 114/13242. По одной порядной вмѣсто подмоги предоставлено пользованіе пожней въ теченіе 5 лѣтъ „за избное поставленіе“, Русская Историческая Библіотека XIV, 354—357.

¹⁾ Русская Историческая Библіотека XII, 129—130; т. XIV, 428—430. Въ послѣднемъ случаѣ порядъ осложненъ личнымъ наймомъ, такъ какъ въ первый годъ крестьяне договорились „жить въ наймѣхъ“, и наемная плата выдается имъ впередъ „на заводъ на сѣмена и на ѣзу семьямъ ихъ, да имъ же дать ральники на нынѣшнее лѣто“. Сохранилась случайная записъ о деньгахъ деревни Константиновской 1648 г.: „сіе денги (9 р. 1 алт.) отданы въ подмогъ крестьяномъ Ферапонтѣ Волхину зъ дѣтми, что поряжены въ тое деревню; да имъ же еще придано къ тому тое же деревни прошлыхъ же лѣтъ сѣнныхъ денегъ 3 р. безъ алтына“, Русская Историческая Библіотека XII, 253.

²⁾ Тамъ же, 1367, 1380, 1433 и 1469; см. выше стр. 51, прим. 4.

³⁾ Русская Историческая Библіотека XII, 250. Въ одной порядной не было выговорено возвращеніе подмоги, но она была возвращена, какъ видно изъ приписей къ порядной. Новое доказательство, что въ порядныя заносились не всѣ условія. Тамъ же XIV, 876—878.

⁴⁾ Кунгурскіе акты, 131. Но половники сверхъ подмоги получали и ссуду по кабаламъ. Въ выборѣ церковныхъ старостъ Сольвычегодскаго уѣзда 1686 г. сказано: „а половникамъ что хлѣба и сѣна въ долги роздадутъ, и то имъ имать на нихъ самимъ, а новымъ старостамъ, кромѣ подмогу, не переводить“. Русская Историческая Библіотека XII, 821.

приписи къ одной порядной читаемъ: „по сей порядной половники (такіе-то) перевели и переписали изъ сее порядные въ новую порядную подможные денги и подможной хлѣбъ, да и прирядъ здѣлали весь сполна. По сей порядной до насъ половниковъ дѣла нѣтъ“ ¹⁾. Изъ трехъ другихъ порядныхъ видно, что онѣ являлись возобновленіемъ старыхъ контрактовъ, вслѣдствіе неуплаты своевременно подмоги, такъ какъ въ нихъ сказано, что „подможные денги и хлѣбъ переведены изъ старые порядные въ сію порядную“ ²⁾. Въ одной изъ этихъ возобновленныхъ порядныхъ имѣется припись о выполненіи приряда и здѣлья, но не упомянуто о возвращеніи подмоги, которая, вѣроятно, переведена вновь въ новую порядную. Вторая изъ возобновленныхъ порядныхъ, заключенная на 3 года въ 1684 г., содержитъ припись, изъ которой видно, что еще въ 1692 г. половникъ продолжалъ додѣлывать свой прирядъ. При такой практикѣ срочность аренды оказывалась въ значительной мѣрѣ фиктивной и обуславливалась главнымъ образомъ исправностью порядчика. Надо думать, однако, что упомянутая практика отсрочки долга пустила глубокіе корни и подготовила почву для возникновенія новаго обычая, въ силу котораго аренды заключались не на опредѣленный срокъ, а подъ условіемъ: „по кѣхъ мѣстѣ тѣ ссудные денги за нами исполщиками побудуть“ ³⁾.

Было бы неправильно думать, что среди половниковъ не находилось исправныхъ арендаторовъ. Такіе несомнѣнно находились, и они по истеченіи срока аренды могли перейти на другой порядъ. Они назывались „выходными половниками“ ⁴⁾, въ отличіе, конечно, отъ тѣхъ, которые, не будучи въ состояніи расчитаться съ землевладѣльцами, по нуждѣ заключали новые контракты на дальнѣйшіе сроки или безсрочно до уплаты долга. Эти „невыходные“ половники отнюдь не утратили еще права перехода. Они имѣ иногда и пользовались, но едва ли къ своей выгодѣ. Имъ грозила въ такихъ случаяхъ участь несостоятельныхъ должниковъ, такъ какъ землевла-

¹⁾ Русск. Ист. Библ., XIV, 955.

²⁾ Тамъ же, 968 и 1137. Въ третьей порядной этого прямо не сказано, но изъ суднаго дѣла видно, что половникъ подрядился пахать въ 190 г., а порядная писана въ 193 г., „а даль де онъ отвѣтчикъ исполную запись съ старой исполной записи“. Кунгурскіе акты, 129.

³⁾ Кунгурскіе акты, 131.

⁴⁾ Русская Историческая Библіотека XIV, 955.

дѣльцы по общему правилу вовсе не были склонны поступаться своими правами надъ задолжавшими порядчиками. Сохранилось нѣсколько извѣстій, рисующихъ указанное настроеніе землевладѣльцевъ. Такъ въ 1602 г. власти Агапитовой пустыни били челомъ и являли, что у нихъ въ монастырской деревнѣ жилъ Исакъ Бурцовъ съ сыномъ, „да ималь у насъ монастырской хлѣбъ да денги, да не хотя намъ монастырсково хлѣба ни денегъ платить, да и съѣхалъ изъ монастырскіе вотчины, а намъ не заплатилъ монастырсково долгу“¹⁾. Въ 1656 г. подалъ челобитную старецъ Печенгской пустыни о взысканіи по кабаламъ казенныхъ монастырскихъ денегъ и хлѣба на перечисленныхъ поименно крестьянахъ „и на иныхъ крестьянахъ, на комъ что взять, и тому слѣдуютъ кабалы и данные кабалы, и *порядные*, и записи. И сроки, государь, кабаламъ прошли, а заимщики денегъ не платятъ“. На челобитье послѣдовала резолюція — срочить отвѣтчиковъ къ суду²⁾. Точно также въ 1687 г. обратились къ архіепископу холмогорскому съ просьбой священникъ и церковный староста Матигорской волости о взысканіи съ задолжавшихъ порядчиковъ денегъ и заявили: „взяти намъ въ николаевскую церковную казну николаевскихъ церковныхъ *празовыхъ недоборныхъ* денегъ за прошлые за 190 и за 192 годы 75 р. 10 алт.“. Послѣдовала резолюція: тѣ деньги доправить тотчасъ³⁾. Какъ велика была крестьянская задолженность, можно отчасти судить по слѣдующему указанію. Въ 1689 г. во всемъ Устюжскомъ уѣздѣ во всѣхъ волостяхъ оказалось наличной церковной казны 2.097 р., въ долгу же денежной казны 7.560 р. и 2.206 четвертей разнаго хлѣба, „а тѣ де заемные денги и хлѣбъ даваны скуднымъ крестьяномъ на окупъ въ платежъ государскіе казны, въ стрѣлецкіе и въ ямскіе денги и въ иные нужные расходы“⁴⁾. Какъ и чѣмъ оканчивались такіе правежи, источники о томъ обыкновенно умалчиваютъ. Но можно съ вѣроятностью предполагать, что значительное число изъ задолжавшихъ оказывались несостоятельными. Только милость землевладѣльца могла освободить ихъ отъ мертвой петли долговой зависимости. Такъ въ 1696 г. архіепископъ холмогорскій указалъ въ своей епархіи „церковныхъ деревень у порядчиковъ по поряднымъ ихъ записемъ на прошлой 203 г. денежной

¹⁾ Русск. Ист. Библ., XIV, 538.

²⁾ Тамъ же, XIV, 416—417.

³⁾ Тамъ же, XII, 97—101.

⁴⁾ Тамъ же, XII, 964—965.

и хлѣбной празги имать въ церковную казну треть, а двѣ доли празги денежной и хлѣбной имъ порядчикамъ отдать и впредь на нихъ той празги дву доль на тотъ 203 г. не спрашивать и въ доимку не писать, ради государскаго многолѣтняго здравія и ради скудости и нищеты ихъ порядчиковыхъ“ ¹⁾. Безъ этой хозяйской милости порядчикамъ грозила выдача головой до искупа. Для устраненія тяжкихъ послѣдствій выдачи головой было, конечно, выгодно заключить новый порядъ. Едва ли, однако, и заключеніе новой порядной обошлось для порядчика безъ дополнительныхъ обязательствъ. Отсрочка долга была хозяйской милостью, и за эту милость надлежало такъ или иначе отблагодарить хозяина. Всякое же новое обязательство лишь усиливало зависимость порядчика. Судное дѣло подъячего кунгурской приказной избы съ своимъ половникомъ и его порутчикомъ указываетъ, что землевладѣльцы не останавливались и передъ полнымъ разореніемъ задолжавшихъ исполщиковъ. Подъячій за половину ссуды продалъ у половника трехъ лошадей, вслѣдствіе чего тому не на чемъ было пахать, а подъячій привлекъ его къ отвѣтственности за недопашку ²⁾. Конечно, не всѣ землевладѣльцы поступали такъ сурово и нерасчетливо. Изъ доклада сыщика Микулина, которому поручено возвратить на волостные участки вышедшихъ крестьянъ, узнаемъ, что онъ не могъ собрать поруки по многимъ живущимъ въ половникахъ „за ихъ скудость, что ихъ мочи нѣтъ въ пустыхъ волостяхъ лѣсъ разсѣкать и дворы ставить и пашня разпахать, а хлѣба у себя не сказываютъ, потому что *даютъ де имъ хлѣбъ помѣсячно хозяева*, у кого они въ половникахъ живутъ“ ³⁾. Ни въ одной половничьей порядной нѣтъ и намека на подобныя отношенія между хозяевами и порядчиками. Но въ достовѣрности факта нѣтъ основаній сомнѣваться. Зависимость же половниковъ отъ хозяевъ при такихъ условіяхъ становилась совершенно полной: изъ-за насущнаго хлѣба половники должны были соглашаться на какія угодно условія.

Въ одной возобновленной порядной сохранился, быть можетъ, намекъ на увеличеніе обязательствъ стараго половника. Въ этой порядной, помимо обычныхъ условій исполной аренды, стоитъ обязательство о платѣ пожилаго. Это пожилое не имѣетъ ничего общаго съ пожилымъ Судебниковъ; оно уплачивается „по полтинѣ съ лошади

¹⁾ Русск. Ист. Библ., XII, 115—116.

²⁾ Кунгурскіе акты, 128 и 136.

³⁾ Архивъ Иностранныхъ Дѣлъ, Приказн. дѣла, № 52, 1646—1647.

на годъ⁴). Въ другихъ порядныхъ о пожилomъ не упоминается, но объ этомъ сборѣ съ половниковъ упоминаютъ нерѣдко другіе памятники¹). Предстоитъ выяснитъ, вѣдѣлся ли онъ лишь при возобновленіи аренды за отсрочку долга или въ какихъ-либо иныхъ случаяхъ.

Во всякомъ случаѣ отсрочка и переводъ долга въ новую порядную лишь временно облегчали затруднительное положеніе несостоятельнаго порядчика, но въ концѣ концовъ еще болѣе связывали его съ хозяиномъ. Фактически выходъ для него становился все болѣе и болѣе труднымъ. При такихъ условіяхъ была готова почва для примѣненія къ половникамъ понятій о старожильцахъ, которые правомъ перехода не пользовались. Повидимому, и эта идея успѣла уже пустить корни въ понятіяхъ современниковъ. Монастырскія власти въ послѣдней четверти XVII вѣка настояли на различіи „старинныхъ ихъ половничьихъ дворовъ“, которые „учинились за ними изстари во владѣнны“, отъ „половничьихъ новоприбылыхъ дворовъ“²). Съ этимъ различіемъ былъ пока связанъ лишь различный порядокъ отбыванія государственнаго тягла. Но на этомъ процессъ не могъ остановиться въ своемъ естественномъ ростѣ и долженъ былъ бы дойти до тѣхъ же или весьма подобныхъ явленій, какими характеризуется крѣпостное право на владѣльческихъ крестьянъ центральныхъ уѣздовъ московскаго государства.

Преградой естественному росту крѣпостнаго права на половниковъ явились петровскія мѣры противъ ихъ закрѣпощенія. Здѣсь нѣтъ нужды на нихъ останавливаться, такъ какъ онѣ не разъ уже рассматривались въ исторической литературѣ. Не слѣдуетъ только забывать, что въ петровскомъ указѣ получили преобладаніе казенные интересы надъ владѣльческими стремленіями. Владѣльцы на вопросы переписчиковъ объявили, „чтобы тѣхъ половниковъ укрѣпить за ними вовсе, какъ за помѣщиками“, и съ этими заявленіями согласились

---

¹) Русская Историческая Библіотека XIV, 1137; ср. т. XII, 236 и 240, гдѣ говорится о взиманіи съ богородицкаго половника пожилыхъ денегъ въ 158 и 166 гг. въ крупныхъ суммахъ 11 р. 50 к. и 9 р.; ib., 707 (1686): „велѣно тое церкви Николаевскому попу въ деревню свою на церковный пай половниковъ радить и пожилые денги и дрова и лучину съ нихъ имать“; ib., 834: „порядная на половника на Сенку Иванова Шукиныхъ, по ней взять пожилыхъ денегъ за 3 годы рубль съ полтиною, писана во 194 г.“; ср. еще ib., 1005.

²) Русская Историческая Библіотека XII, 1193—1195, 1211; Д. къ А. И., X, № 34.

двое изъ трехъ переписчиковъ. Одинъ изъ нихъ предлагалъ, „чтобъ половниковъ въ другія мѣста не переводить, и имъ о переходѣ указами запретить“; а другой къ этому добавлялъ: „кто изъ деревни въ деревню выѣдетъ, такихъ бы никто не принимали, но поймавъ отвозили на прежнія мѣста“ ¹⁾. Почва для крѣпостнаго права на половниковъ, какъ видно, была уже вполне подготовлена.

Юрьевъ (Дерптъ)
14 февраля 1895 г.

---

¹⁾ *Максимовичъ*, Указатель Россійскихъ законовъ, ч. IV, стр. 525—526.